Х. НЫДРО.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА,

ВЕДЕННАГО

ВЪ СИБИРИ.

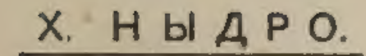
(I. „Шутку сшутилъ“. Къ исторіи икрючниковъ въ г. Томскѣ. Разсказъ старожила.—II. „Бойкая Сибирячка“.—III. „Сибирскіе шаманы“.)

20% чистаго сбора отъ изданія назначается на основаніе фонда имѣющаго открыться въ г. Тобольскѣ „Общества попеченія о начальномъ образованіи“.

ТОБОЛЬСКЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1894.

Х. НЫДРО.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА,

ВЕДЕННАГО

ВЪ СИБИРИ.

(I. „Шутку сшутилъ“. Къ исторіи икрючниковъ въ г. Томскѣ. Разсказъ старожила.—II. „Бойкая Сибирячка“.—III. „Сибирскіе шаманы“.)

20% чистаго сбора отъ изданія назначается на основаніе фонда имѣющаго открыться въ г. Тобольскѣ „Общества попеченія о начальномъ образованіи“.

ТОБОЛЬСКЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1894.

Дозволено цензурою. Г. Казань, 24 Сентября 1893 года.

I. „Шутку сшутилъ."

(Къ исторіи „икрючниковъ" въ Томскѣ.)

Изъ разсказа сторожила.

Въ послѣдній день прошедшей масленицы, въ Томскѣ, случилось мнѣ быть въ домѣ одного моего знакомаго, гдѣ собралось небольшое общество. Всѣ были въ веселомъ настроеніи духа, шутили, смѣялись и разсказывали другъ другу городскія сплетни, называемыя здѣсь обыкновенно «новостями». Проведя около получаса въ пріятной бесѣдѣ, всѣ мы перешли изъ залы въ гостиную, гдѣ при легкой закускѣ à la fourchette, сопровождаемой необходимыми и уже надоѣдавшими блинами, жена хозяина дома попотчивала насъ преотличной наливкой собственнаго приготовленія. О такой наливкѣ и во снѣ не грезилось г. Фуксману и прочимъ водочнымъ мастерамъ, угощающимъ томичей подслащенной и подкрашенной сивухой, называемой ими наливками: смородинной, малиновой и даже вишневой!*) Я собирался съ двумя-тремя гостями отправиться уже во-свояси, несмотря на просьбы гостепріимныхъ хозяевъ «еще посидѣть», какъ разговоръ повернулъ вдругъ на «злобу дня»—на кошевки, рыскающія по городу съ удалыми добрыми молодцами, подтибривающими прохожихъ на крюкъ. Разсказывались возмутительныя исторіи, занесенныя уже на страницы нашихъ газетъ и даже такія, о которыхъ «исторія молчитъ». Это меня задержало.

*) Удивительно, какъ эти господа не пустятъ въ ходъ еще и ананасную наливку, вмѣстѣ съ вишневой. Вотъ была-бы потѣха!

— Старинный, весьма старинный образъ грабежа, — отозвался глубокомысленно одинъ изъ гостей, прочитавшій нѣкогда Тэйлора и Леббока... — Онъ употреблялся въ тѣ времена, когда люди вели еще кочевую жизнь.

— Можетъ быть! — произнесъ ѣдко другой, бывшій учитель, — если въ тѣ блаженныя времена было что грабить и случалась нужда въ грабежѣ. Впрочемъ эти «крючники» дѣйствительно напоминаютъ что-то древнее.

— По-моему, не слѣдуетъ ихъ называть «крючниками», а *икрючниками*, — ввернулъ третій, переселившійся недавно въ Томскъ, изъ Восточной Сибири. — На забайкальской степи монголо-буряты, съ помощію аркана и крюка ловятъ лошадей изъ своихъ табуновъ. Ловлю эту сибиряки называютъ *икрюченіемъ*, а ловцовъ и даже самыхъ лошадей, на которыхъ выѣзжаютъ на ловлю — *икрючниками*. Видалъ я эту ловлю часто и не могъ надивиться ловкости и отвагѣ «икрючниковъ».

— Эта охота на людей съ веревкою и крюкомъ — заговорилъ четвертый, довольно еще молодой человѣкъ, — практикуется съ тѣхъ поръ, какъ Томскъ стоитъ. Вѣроятно ее ввелъ въ употребленіе какой-нибудь киргизъ, или монголо-бурятъ. Несмотря на бдительный дозоръ полиціи, все-таки по временамъ пускается машина въ ходъ. Правда, дѣдушка? Вы, вѣдь, здѣшній старожилъ, вамъ это должно быть извѣстно лучше, чѣмъ намъ.

Послѣднія слова были обращены къ сѣдовласому старичку, румяному и бодрому, отцу хозяйки дома.

— Да, дѣйствительно, я томскій старожилъ, родился и состарился въ Томскѣ, — отвѣчалъ тотъ, странно какъ-то улыбаясь. — Но насчетъ этого крюченья, или икрюченья, я съ вами не согласенъ. Художество это немного старѣе васъ, и его впервые пустилъ здѣсь въ ходъ не какой-нибудь азіятъ, киргизъ или бурятъ, а житель нашей сѣверной пальмиры, петербуржскій уроженецъ.

— Ха, ха, ха! Вотъ это презабавно! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Не шутя, говорю вамъ, господа, — продолжалъ сѣдовла-

сый старичокъ, окидывая всѣхъ спокойнымъ и увѣреннымъ взглядомъ.

— Что-же, это, вѣрно, былъ какой нибудь плутъ, мазурикъ, ссыльный?—произнесъ кто-то.

— Напротивъ, человѣкъ, сколько мнѣ извѣстно, пріѣхавшій въ Сибирь по собственной волѣ, безукоризненной честности.

— Разскажите же, что за чудеса это?—обратились къ старичку почти всѣ.

— Разскажу, если угодно послушать, только прежде выпьемте, господа,—отвѣчалъ тотъ, подходя къ столу, заставленному батареей питій.—Наливка-то больно хороша!

— Дѣйствительно, отъ такой наливки невозможно отказываться...

Посмаковали мы еще наливки и разсѣлись по мѣстамъ въ ожиданіи разсказа, который, по загадочности своего содержанія, возбудилъ общій интересъ.

— Случилось это, господа, какъ-бы не соврать... въ началѣ пятидесятыхъ годовъ,—началъ старичокъ,—но когда-бы это ни случилось, скажу вамъ по чистой совѣсти, что до того времени искрюченіе людей томичамъ и во снѣ не представлялось... Служилъ я тогда по части золотопромышленной, сначала у Горохова, потомъ у Асташева. Насъ, служащихъ, было много, жалованье всѣ получали большое, не нынѣшнему чета. Въ числѣ служащихъ у Асташева было три, или четыре петербуржца. Одного изъ нихъ звали Николай... отчества и фамиліи, право, не припомню... Назовемъ его, пожалуй, Алексѣевъ. Это былъ, что называется, душа человѣкъ, балагуръ неистощимый, шутникъ и весельчакъ непроходимый. Мы всѣ его, просто, обожали... Никого онъ никогда, не то чтобы дѣломъ, а словомъ не обидѣлъ. Со всѣми обходился отмѣнно вѣжливо, мягко и предупредительно. Однимъ словомъ, человѣкъ съ высокими о вещахъ и людяхъ понятіями. Когда мы, конторскіе, то есть служащіе при конторѣ, выѣзжали на зиму съ пріисковъ въ Томскъ, мы не прекращали своихъ занятій. А ихъ было довольно, особенно въ декабрѣ и январѣ. Занимались мы обыкновенно съ 9 часовъ утра до 4 или 5 вечера. Чай, зав-

тракъ и обѣдъ давались намъ отъ конторы. Только вечеромъ мы бывали свободны, и тогда кантовали во всѣ лопатки, по-пріискательски. Что дѣлать? Люди все были молодые, не стѣсняли себя ни въ чемъ. Дебошей и скандаловъ у насъ не случалось. Ими преимущественно отличались гороховскіе служащіе... Обыкновенно мы, по уговору, собирались у котораго-нибудь изъ нашихъ... конторскихъ, всего чаще у Алексѣева. Страсть онъ любилъ принимать у себя гостей и принималъ—просто шикъ...

У насъ закуски бывали:—балычокъ, икорка, колбаска, ветчинка, соленые огурчики, а подчасъ и кислая капуста. Изъ питей употреблялись родное сильвупле, дрянь-мадера, хересъ дела фронтера и тому подобныя дешевки. У него же столъ заставлялся всевозможнаго рода деликатессами. Безъ шампанскаго и портера у него никогда не обходилось... Много кое-чего высылали ему знакомые изъ Петербурга... Особенно онъ хвасталъ передъ нами какой-то рыбицей... Позвольте припомнить, какъ ее звали... Кажется шамая... да, шамая, или шамайка... Золотистая этакая... а жиръ такъ и течетъ... Чудо, что за вкусная... Ни у кого въ Томскѣ я такой рыбицы не ѣдалъ и даже не видалъ... И квартира у него была тоже шикарная—въ нѣсколько комнатъ; зеркала, кресла, оттоманы, этажерки, книги, кипсеки, занавѣсы, ковры, цвѣты... Для своего удобства онъ не жалѣлъ денегъ. Кромѣ изряднаго жалованья, онъ имѣлъ своихъ денегъ достаточно... Въ кубышку не укладывались, а лежали гдѣ-то въ банкѣ... Состоялъ онъ съ здѣшней мѣщанской дочерью, какъ самъ тогда говорилъ, и какъ нынче стали говорить, въ «гражданскомъ бракѣ». Такой бракъ, въ блаженныя старыя времена, назывался «сибирскимъ». Сибиряки наши, значитъ, первые его изобрѣли... Дешевый бракъ, на свадьбу не раззоряйся... Понравилась молодуха—ладно, не понравилась—прощенія просимъ. Звали эту «гражданскую женку» Алексѣева, по святому крещенію, Дарьей; мы же всѣ его товарищи, любя ее, какъ и его, отъ чистаго сердца, звали ее, просто на-просто, Дарьюшкой-сударушкой. Ни она, ни онъ этимъ не обижались... Стоила она, чтобы ее любить,.. Во-первыхъ это была красавица въ полномъ смыслѣ, хоть аркадскому принцу въ

полюбовницы, бѣлая, румяная, сдобная, росту пребольшущаго. Толстая, темнорусая коса у ней до колѣнъ доставала. Такихъ косъ у нынѣшнихъ красавицъ не найдете. А глаза такъ и ошпаривали тебя, словно кипяткомъ, съ ногъ до головы... Во-вторыхъ, по характеру своему, она была подъ-стать Алексѣеву, такая же гостепріимная, общительная, шутливая и пріятная въ обращеніи... Только, конечно, образованія она не имѣла такого, какъ онъ, была себѣ простая и даже неграмотная дѣвка... Впрочемъ отъ нея разныхъ тамъ наукъ и парлефрансе не требовалось. Хотя у ней всегда имѣлась стряпка, но ей не сидѣлось дома. Какъ только утромъ Алексѣевъ отправится въ контору, она тотчасъ-же удеретъ къ матери, на Бѣлозерье*). Мать ея имѣла тамъ домишко. И просидитъ она у матери иногда до вечера, а иногда и до поздней ночи. Когда Алексѣевъ затаскивалъ насъ къ себѣ, мы рѣдко заставали ее дома. Приходилось за нею посылать извощика, потому что ключей отъ кладовой и шкафовъ она стряпкѣ не довѣряла. Все оказывалось запертымъ. Сердился Алексѣевъ и часто бранилъ ее за эти долгія отлучки, но ничего не могъ съ нею подѣлать.—«Мнѣ скучно безъ тебя, милый, разлюбезный мой! —отзывалась она на его репримапды.—Вотъ я и ухожу себѣ къ мамѣ. А когда занадоблюсь, можешь послать. Извощикъ не Богъ знаетъ, сколько стоитъ, и ты этимъ не раззоришься».—«Вотъ и подите съ этой безшабашной, своенравной сибирячкой»,—проговоритъ Алексѣевъ, пожимая плечами. «Впрочемъ ей, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ скучновато одной, господа. Не думаю, чтобы она въ двадцать лѣтъ не могла обходиться безъ материной груди». Тѣмъ и кончалось... Разъ какъ-то, вскорѣ послѣ Рождества, наши уговорились вечеромъ итти ко мнѣ. У меня вотъ этотъ самый домишко имѣлся, хотя тогда я еще былъ холостой. Но Алексѣевъ настоялъ, чтобы итти непремѣнно къ нему... Нечего было дѣлать, пошли. Приходимъ.—Дарьюшки-сударушки, по обыкновенію,—тю-тю.—«Какъ ушла съ утра, такъ и не приходила»,—отрапортовала стряпка. Надо было за ней посылать. На бѣду всѣ

*) Часть города.

мы пришли пѣшкомъ, ни у кого лошади съ собой не имѣлось. Алексѣевъ приказалъ стряпкѣ ставить поскорѣе самоваръ, а самъ отправился во дворъ на хозяйскую кухню, чтобы попросить хозяйскаго работника сбѣгать за извощикомъ. На кухнѣ онъ засталъ самого хозяина дома.—«На что вамъ посылать за извощикомъ,—говоритъ онъ Алексѣеву,—когда у меня во дворѣ пѣганка запряженный стоитъ. Только кошевка простая, а не выѣздные санки. Сами-ли намѣрены ѣхать, али послать за кѣмъ хотите?»—«Мнѣ надо послать на Бѣлозерье»—сказалъ ему Алексѣевъ.—«Такъ вотъ, работникъ мой и съѣздитъ. Оболокайся парень»... Алексѣевъ поблагодарилъ хозяина и воротился къ намъ. Вскорѣ пришелъ и работникъ въ черной собачьей дохѣ. Въ рукахъ у него была большущая бѣлая черкесская папаха, купленная имъ на толкучкѣ у какого-то сосланнаго черкеса.—«Куда и за кѣмъ прикажете ѣхать?»—спрашиваетъ работникъ.—«Сейчасъ я выйду,—говоритъ ему Алексѣевъ.—Подожди, любезный, на минуточку»... Когда работникъ вышелъ, Алексѣевъ и говоритъ намъ:—«Господа, мнѣ въ голову пришла одна геніальная мысль.»—«Какая такая»?—спрашиваемъ мы.—«Я отучу Дарьюшку шляться до поздней ночи и заставлю ее приходить домой всегда засвѣтло... Я устрою надъ нею одну штуку.»—«Что это за штука»?—стали мы допытываться.—«Теперь ничего вамъ не скажу, узнаете послѣ, только смотрите Дарьюшкѣ послѣ не проболтайтесь.»—«Хорошо»!... Была у Алексѣева палка изъ толстой желѣзной проволоки. Вотъ онъ эту палку согнулъ въ крюкъ, а на одномъ концѣ этого крюка прикрѣпилъ длинную и крѣпкую бечевку. Смотримъ мы со стряпкою на эти приготовленія, посмѣиваемся, но никакъ не можемъ уразумѣть, что изъ этого выйдетъ, какое отношеніе имѣетъ это къ Дарьюшкѣ. Крюкомъ что-ли онъ собирается ее тащить отъ мамы...—«Сидите господа, я сейчасъ буду»,—сказалъ намъ Алексѣевъ и выбѣжалъ на дворъ съ крюкомъ, безъ шубы и безъ шапки... Сидимъ мы посиживаемъ, ждемъ поджидаемъ,—нѣтъ нашего штукаря Алексѣева. Самоваръ у стряпки давно уже поспѣлъ, а посуда, чай и сахаръ заперты. Хотѣли было нѣкоторые изъ насъ улепетывать, да побоялись огорчить Алексѣева. Наконецъ

онъ является, безъ крюка, и какъ будто чѣмъ-то смущенный.—«Дарьюшки нѣтъ»?—спросилъ онъ.—«Нѣту!»—отвѣчаемъ ему.—«Куда же это она запропастилась?»—«Господь ее знаетъ. А ты самъ гдѣ же былъ»?—«Я?.. Гмъ!.. Со мною, господа, произошла штука»!—«Ха, ха, ха!»—захохотали мы всѣ. Вотъ такъ хорошо! Собирался надъ Дарьюшкой устроить какую-то штуку, а штука надъ нимъ самимъ состроилась... Чудно!—«Дѣйствительно чудно господа. Но что прикажете дѣлать? Злой фатумъ какой-то вмѣшался въ мою затѣю».—Вдругъ появляется Дарьюшка.—«Ты гдѣ была такъ долго»?—спрашиваетъ ее Алексѣевъ.—«Гдѣ была, тамъ меня ужъ нѣтъ»—отвѣчала плутъ-дѣвка.—«Однако-же?»—«Извѣстно гдѣ, у мамы засидѣлась».—«А я думалъ, что съ тобою какая нибудь напасть приключилась».—«Что со мною можетъ приключиться?.. Нетрусливаго я десятка и не маленькая».—«Ну, такъ, храбрый мой гренадеръ въ юбкѣ, раздѣвайся поскорѣе и пои насъ чаемъ. Мы смерть чаю пить хочемъ».—Дарьюшка раздѣлась и вскорѣ появился чай, а при немъ ромецъ и коньячокъ. Но едва мы успѣли отпить до половины стаканы, какъ нагрянулъ полиціймейстеръ, частный, квартальный, нѣсколько понятыхъ и городовыхъ. Полиціймейстеромъ былъ тогда Любимовъ, бѣдовый, скажу вамъ, даромъ, что на видъ неповоротливый. Съ гражданами былъ очень обходителенъ, но своимъ подчиненнымъ спуску не давалъ. За крупнымъ словцомъ въ карманъ не лазилъ.—«Ого, тутъ цѣлая шайка»,—проговорилъ полиціймейстеръ въ полголоса, обращаясь къ приставу.—«Вся на лицо, какъ есть, ваше высокоблагородіе».—отозвался довольно громко квартальный.—«Я давно за ней зорко слѣдилъ».—«Кто вы такіе, господа?»—спросилъ насъ полиціймейстеръ, входя въ залъ и не снимая теплой шинели.—«Служащіе Асташева!»—отвѣчали мы въ одинъ голосъ.—«Гмъ!.. А кто изъ васъ г. Алексѣевъ»?—«Я»!—отвѣчалъ петербуржецъ. Полиціймейстеръ долго и пристально смотрѣлъ на него своими большими сѣрыми глазами. Наконецъ говоритъ:—«Вы кажется и хозяинъ этой квартиры?»—«Такъ точно, г. полиціймейстеръ, квартира эта состоитъ за мной вотъ уже два года».—«Вы ѣздили незадолго передъ этимъ въ кошевкѣ, запряженной пѣгой лошадью?»—«Ѣздилъ».—«Были

ли на васъ собачья черная доха и бѣлая черкесская папаха»? «Такія точно доха и папаха были на мнѣ».—«Гмъ! значитъ и эта штука принадлежитъ вамъ»?—Тутъ полиціймейстеръ вынулъ изъ подъ полы шинели крюкъ съ бечевой. Алексѣевъ улыбнулся, но это не была его обычная, задушевная улыбка, а какая-то кислая гримаса, которую и описать вамъ не могу. Онъ молчалъ.—«Говорите-же, ваша»?—допрашивалъ полиціймейстеръ.—«Не могу отрицать, моя»,—отозвался онъ, наконецъ —«Самъ я ее смастерилъ». «Что вы дѣлали съ нею»?—«Шутку спутилъ, г. полиціймейстеръ». —«Хорошая шутка! Ха, ха, ха! Людей на крюкъ ловить... Приставъ, пишите постановленіе. Г. Алексѣевъ, какъ видно, не намѣренъ запираться и дѣлаетъ чистосердечное признаніе... Но, господа, вы кушаете чай, я вамъ не мѣшаю и попрошу для себя стаканчикъ... съ вашей дикой затѣей, чортъ бы ее побралъ, и у меня въ горлѣ пересохло»... Приставъ расположился у одного изъ столиковъ, вынулъ изъ портфеля бумагу—перо и чернильницу ему подалъ Алексѣевъ—и началъ строчить. Полиціймейстеръ, снявъ шинель, усѣлся около другаго столика. Квартальный подошелъ къ приставу и началъ ему въ полголоса объяснять. Слышали мы только урывками, о какой-то шайкѣ злоумышленниковъ, за которою будто слѣдилъ онъ, квартальный, съ давнихъ поръ и наконецъ ее накрылъ. Больше ничего не могли мы разобрать. Глядимъ мы другъ на друга, пожимаемъ плечами, и рѣшительно не знаемъ, что и подумать, что такое случилось... Но господа, у меня и самого, какъ у полиціймейстера Любимова, горло пересохло и необходимо его промочить. Чай, и вы не откажетесь сопутствовать мнѣ къ столу?.. Всѣ бросились за старичкомъ къ наливкѣ, къ столу, да пошли бы за нимъ и куда угодно, такъ всѣхъ заинтересовалъ его разсказъ.

Что же папаша, случилось?—отозвалась первая хозяйка дома, сгорая отъ любопытства и нетерпѣнія не менѣе другихъ.

— Вотъ что случилось... Алексѣеву, какъ вѣроятно вы уже догадались, хотѣлось напугать Дарьюшку, напугать такъ, чтобы она не могла догадаться, что это онъ, и приняла бы его за какого-либо разбойника, что конечно могло-бы отбить у ней охоту

шутиться полнымъ кремнемъ. Для этого онъ и сдѣлалъ крюкъ съ бечевой. Мысль эта предварительно пришла ему въ голову, ко[illegible] [illegible] пахой. Выбѣжавъ съ крюкомъ во дворъ, Алексѣевъ взялъ у работника его доху и папаху и самъ отправился за Дарьюшкою. Обыкновенно ѣзжала она домой отъ матери оврагомъ, который нынѣ называется Скудельнымъ рвомъ. Оврагомъ самъ ѣхать невозможно было только зимою. Вотъ онъ и поѣхалъ къ оврагу, думая, не попадется-ли она ему тамъ навстрѣчу. На ней была весьма примѣтная шубка—красная, отороченная горностаемъ, какія тогда носили. И какъ разъ случилось, что Дарьюшка попалась Алексѣеву въ самомъ оврагѣ. Миновавъ ее аршина на два, онъ быстро обернулся и закинулъ на нее крюкъ и такъ ловко, что сразу ее закрючилъ. Крюкъ попалъ ей подъ мышку, лошадь рванулась далѣе, и Дарьюшка—брякъ на снѣгъ и потащилась за кошевкой по снѣгу. Но вдругъ опомнилась, привскочила, собрала свою силушку, а силушки у ней хватило бы на трехъ Алексѣевыхъ, схватилась обѣими руками за веревку, да и давай кричать «караулъ»! Мало того, она начала пріостанавливать и кошевку и по бечевкѣ чуть чуть не добралась до самаго «закрючника». Видитъ Алексѣевъ, что дѣло плохо съ этой безшабашной сибирячкой, выпустилъ изъ рукъ бечевку и помчался къ Бѣлозерью. На крикъ Дарьюшки изъ ближняго дома, на горѣ, высыпала толпа мужчинъ и женщинъ. Тамъ праздновалась свадьба, женился столоначальникъ городской полиціи. Шаферомъ былъ у него квартальный. Молодые только что пріѣхали отъ вѣнца, когда случилась исторія съ Дарьюшкою. Само собою разумѣется, что на мѣсто происшествія, изъ мужчинъ, первый прибѣжалъ квартальный.

Происшествіе неслыханное, преступленіе небывалое, происшествіе феноменальное! —кричалъ онъ, разспросивъ Дарьюшку о случившемся и потрясая крюкомъ съ бечевкой, отнятымъ ею у страшнаго черкеса, котораго она описала, не жалѣя всевозможныхъ красокъ.—Квартальный тотчасъ же усадилъ Дарьюшку въ сани одного изъ поѣзжанъ и отправился съ нею къ полицмейстеру. Тотъ и самъ ужаснулся. Полицмейстеръ тотчасъ же распоря-

цился разослать всѣхъ полицейскихъ и казаковъ (тогда при полиціи состояли и казаки) на выѣзды городскіе, съ цѣлью караулить кошевку, потому что поддѣтыхъ на крюкъ, вѣроятно, станутъ грабить за городомъ, а не въ городѣ. Дарьюшку же съ квартальнымъ послалъ въ полицію для снятія съ нея надлежащаго допроса.—Алексѣевъ, ничего этого не зная, благополучно себѣ доѣхалъ до Бѣлозерья, потомъ заворотилъ лошадь, но поѣхалъ уже черезъ оврагъ, а по Почтовой улицѣ, и спустился съ Воскресенской горы, около католической церкви. Затѣмъ направился домой, по Магистратской улицѣ. Квартира его была, не доѣзжая Сѣнной нынѣшней части, въ переулкѣ. На Магистратской же улицѣ помѣщалась и полиція, въ длинномъ деревянномъ домѣ Батурина. На мѣстѣ его построенъ нынѣ большой каменный домъ. Когда Алексѣевъ поравнялся съ полиціей, словно на грѣхъ, вышелъ тотъ самый квартальный, который докладывалъ о небываломъ, неслыханномъ, феноменальномъ происшествіи. Увидѣвши кошевку съ мнимымъ черкесомъ, онъ бросился къ ней съ крикомъ: «стой разбойникъ, стой грабитель»! Но Алексѣевъ ударилъ по лошади и былъ таковъ. Раздались крики: «держи, лови»! Прохожіе останавливались съ недоумѣніемъ, но никому не было охоты задержать ужаснаго черкеса, мчавшагося во всю прыть. Повернувъ въ свой переулокъ, Алексѣевъ въѣхалъ въ ворота, которые въ ожиданіи его, оставались открытыми, быстро ихъ заперъ, сбросилъ съ себя доху и папаху въ кошевку, а самъ пришелъ къ намъ, предполагая, что Дарьюшка уже дома. Квартальный добѣжалъ до переулка и остановился. Кошевка исчезла. Какой-то проходящій указалъ ему, что кошевка черкеса въѣхала во дворъ. Квартальный пришелъ во дворъ и увидѣлъ, что кошевка съ пѣгой лошадью стоитъ во дворѣ, а въ ней лежатъ черная собачья доха и бѣлая черкесская папаха. Онъ отправился на кухню и началъ разспрашивать: кто ѣздилъ въ кошевкѣ, дохѣ и папахѣ? Работникъ, ничего не зная, сказалъ, что ѣздилъ квартирантъ, служащій Асташева, Алексѣевъ, но куда и зачѣмъ—не знаетъ. На вопросъ квартальнаго: не было-ли чего-либо при немъ?—работникъ объяснилъ, что видѣлъ какой то «струментъ», похожій

на крюкъ съ веревкою. Квартальный узнавъ, что въ квартирѣ Алексѣева собралось съ десятокъ человѣкъ, которые постоянно у него бываютъ и кутятъ, тотчасъ же сдѣлалъ предположеніе о цѣлой шайкѣ, доложивъ объ этомъ полиціймейстеру. Нужно вамъ сказать, господа, что полиціймейстеръ Любимовъ зналъ очень хорошо, гдѣ зимуютъ раки, и служащихъ, особенно Асташевскихъ, въ обиду не давалъ — Не можетъ быть, чтобы эти штуки дѣлали приисковые служащіе»,—сказалъ онъ.—«Тамъ народъ болѣе или менѣе порядочный. Особенно Асташевскіе».— «Ваше высокоблагородіе, можете сами воочію убѣдиться. Вѣдь изъ кошевки еще не выпряжена пѣгая лошадь, доха же черная собачья и бѣлая черкесская папаха лежатъ въ кошевкѣ. Не достаетъ только крючьевъ, которые вѣроятно припрятаны».- «Ну, если ты совралъ, тогда пеняй на себя!.. Лошадей, пристава, понятыхъ, городовыхъ! и ты маршъ съ нами»!—Вотъ такимъ образомъ и нагрянула къ Алексѣеву вся полиція. Когда полиціймейстеръ потребовалъ чаю, Дарьюшка сама вышла съ подносомъ, на которомъ стоялъ налитый для него стаканъ, сахарница, графинчикъ съ ромомъ. Полиціймейстеръ, принявъ стаканъ и накладывая сахаръ, посмотрѣлъ на нее, и наконецъ узналъ, что это та самая, которую «закрючили». Онъ подумалъ, что и она сама принимала участіе въ розыскахъ. —«А! и вы сюда пожаловали? Напрасно безпокоились сударыня. Обидчикъ вашъ вполнѣ сознался, не запирается, и я думаю обойдется и безъ очной ставки» -«Я вѣдь и сама здѣсь живу»,—отвѣчала Дарьюшка... «Какъ здѣсь? Съ кѣмъ»?—«Да съ г. Алексѣевымъ».—Тутъ она немножко потупилась и покраснѣла. Полиціймейстеръ, словно ошпаренный, привскочилъ съ кресла. – «Вы съ г. Алексѣевымъ»? – «Два года я въ его квартирѣ на правахъ полной хозяйки состою» —Большіе глаза полиціймейстера, казалось, такъ и хотѣли выскочить.—«Да что же это такое въ самомъ дѣлѣ творится»?—произнесъ онъ, наконецъ, опускаясь въ кресла.— «Объясните хоть вы мнѣ, господа, что это за мистификація?, (онъ обратился къ намъ). Николай Алексѣевъ поддѣваетъ на крюкъ, якобы, съ цѣлью грабежа и разбоя, мѣщанскую дочь Дарью Савину... а Дарья Савина живетъ два года съ Николаемъ Алексѣе-

вымъ и распоряжается его квартирой, а слѣдовательно и всѣмъ, на правахъ полной хозяйки... Ничего, ей Богу, не могу я тутъ понять». Мы, разумѣется, [illegible] ничего и сами не понимали. Дарьюшка, спасибо ей, насъ выручила — «Тутъ никакой «стификаціи» нѣту, отозвалась она. Извините, господинъ полиціймейстеръ, выговорить не могу ваше мудреное слово... Тутъ дѣло самое простое. Г. Алексѣевъ хотѣлъ меня напугать, чтобы я не шаталась поздними вечерами. Для этого онъ сдѣлалъ крюкъ, нарядился черкесомъ, поѣхалъ мнѣ навстрѣчу и забросилъ крюкъ на меня. Я его не узнала и подняла тревогу. На крикъ мой прибѣжали люди и г. квартальный, а онъ убѣжалъ. По дохѣ, кошевкѣ и папахѣ его выслѣдили и, вѣроятно, сочли за какого либо злодѣя, между тѣмъ... какъ онъ мнѣ... какъ я ему!..» Тутъ мы не дали ей докончить и разразились хохотомъ во все горло. Все непонятное, загадочное сдѣлалось яснымъ, какъ день. Хохоталъ полиціймейстеръ и понятые. Всѣмъ, какъ есть, было смѣшно. — «Какъ теперь прикажете съ постановленіемъ»?—спросилъ приставъ у полиціймейстера.—«А ну его къ дѣду!»—отвѣчалъ тотъ. «Я самъ, пожалуй, завтра напишу, а впрочемъ и писать то не стоитъ. Придется докладывать, что это ни болѣе ни менѣе, какъ простая шутка. Ха, ха, ха»!—«И довольна глупая шутка»—отозвался Алексѣевъ. Онъ все молчалъ, какъ преступникъ, неимѣющій ничего къ своему оправданію. Видно было, что это происшествіе сильно его огорчило.

—«Прощайте господа! А крюкъ все-таки позвольте мнѣ взять съ собою»,—проговорилъ полиціймейстеръ и уѣхалъ. Этотъ злополучный крюкъ былъ повѣшенъ на стѣнку въ присутствіи, и многіе граждане томскіе ходили нарочно въ полицію, чтобы посмотрѣть на него, какъ на нѣкую диковинку. Особенно гороховскіе скалили зубы. Проходу намъ отъ нихъ не было. Долго насъ, Асташевскихъ, честили *крючниками*. Въ городѣ только и разговоровъ было о крюкѣ. И можете-ли представить себѣ, господа?.. Не прошло пяти дней, какъ въ Томскѣ вечеркомъ появились цѣлыхъ три кошевки, одна даже на парѣ, съ настоящими крюками, съ настоящими грабителями, и семерыхъ въ одинъ вечеръ

ограбили... въ томъ числѣ и самого Алексѣева, затѣйщика и иниціатора икрюченья.

— Ха, ха, ха! раздалось кругомъ.

— Вы шутите, папаша! закричала хозяйка дома.

— Зачѣмъ мнѣ шутить? Истину говорю, вѣрь мнѣ.

— Да эта Дарья Савишна не та ли, которую звали «не вчерашней, а давишней»?

— Она самая. Она теперь гдѣ-то въ Енисейской губерніи обрѣтается, давно купчихой сдѣлалась... Угащили бѣднаго Алексѣева на Томь, раздѣли чуть не до гола и пустили. Къ счастію, былъ тогда теплый вечеръ, не то—пришлось бы ему плохо. Съ того вечера продолжалось икрюченіе чуть не до самой Пасхи. Бѣдная полиція изъ силъ выбивалась, но ничего не могла подѣлать. Попались было какой то заисточный*) татаринъ и бродяга киргизъ, сидѣли они въ острогѣ. Но икрюченіе не прекратилось. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы не появлялись икрючники...

Вотъ какъ, господа, простая и глупая шутка послужила образцомъ для самаго возмутительнаго насилія. И вотъ съ какого именно времени пошло у насъ въ Томскѣ икрюченіе людей. Больше ничего не умѣю вамъ сказать. Судите себѣ тамъ, какъ знаете.

— А что же сдѣлалось съ Алексѣевымъ? ввернулъ кто-то.

— Я уже сказалъ, что его ограбили, въ числѣ первыхъ семи человѣкъ, попавшихся на «настоящій» крюкъ. Послѣ того онъ разсчитался и уѣхалъ въ Петербургъ, несмотря на то, что ему предлагали довольно хорошее мѣсто. Сибирь ему опротивѣла и Дарюшка тоже. Впрочемъ послѣдняя очень скоро утѣшилась.

Si non è vero, è ben trovato, подумалъ я, простившись съ хозяевами и спускаясь съ крыльца ихъ дома.

А впрочемъ чего не бываетъ на свѣтѣ?.. За невозможностію провѣрить лично все слышанное мною о началѣ икрючниковъ въ Томскѣ, я предоставляю это господамъ томскимъ старожиламъ. Они только въ состояніи къ приведенному мною разсказу сдѣлать надлежащія комментаріи.

---

*) Истокъ: тоже часть города.

II. БОЙКАЯ СИБИРЯЧКА.

Былъ второй часъ ночи, когда я возвращался на свою квартиру, на «Пескахъ»*), послѣ посѣщенія новаго театра Е. И. Королева. То перескакивая черезъ лужи и комья грязи, то осторожно взбираясь и еще осторожнѣе сползая по ступенямъ расчудесныхъ томскихъ тротуаровъ, на которыхъ того-и-гляди, или вывихнешь ногу, или свернешь шею, не только ночью, но даже и днемъ, кое-какъ добрался я до своей квартиры. Квартира эта находилась, и теперь еще находится, въ домѣ Альберта Петровича Жука, бывшаго польскаго дворянина, потомъ томскаго мѣщанина, домовладѣльца, мясного торговца и вновь дворянина, по Высочайшему манифесту 15 мая 1883 года.

Дернулъ я за ремешокъ въ калиткѣ (на звонки въ Томскѣ «положенія» не существуетъ), калитка оказалась запертой или, вѣрнѣе, задвинутой тѣмъ же толстымъ засовомъ, которымъ закладываются и ворота.

Нужно знать, что природа надѣлила меня какой-то глупой совѣстливостью въ сношеніяхъ съ людьми, даже и съ тѣми, съ которыми не слѣдовало бы «особенно церемониться», какъ, напримѣръ, «съ хозяевами квартиры», за которую платятся деньги. Очутившись въ глухую ночь передъ запертой калиткой, я почувствовалъ себя въ довольно непріятномъ положеніи изъ-за того, что долженъ нарушить сладкій, быть можетъ, сонъ домохозяевъ, которые за то, что я шляюсь по ночамъ, не преминутъ въ душѣ послать меня къ чорту, а пожалуй и къ цѣлой тысячѣ чертей. И они будутъ правы. Я то же самое сдѣлалъ бы на ихъ мѣстѣ.

Долго я стоялъ передъ калиткой, обдумывая свое положеніе, наконецъ, рѣшился постучать слегка. Въ отвѣтъ мнѣ цѣпной барбосъ заворчалъ съ просонокъ, и затѣмъ наступила тишина. Прождавъ минуты двѣ или три, я постучалъ опять, но сильнѣе. Барбосъ нѣсколько разъ взлаялъ, и — опять тишина. Что же это будетъ? подумалъ я. Вѣдь не ночевать же мнѣ на улицѣ, когда у

*) Часть города въ Томскѣ.

меня имѣется довольно сносная квартира, хотя и безъ «стола», но съ самоваромъ, подаваемымъ мнѣ два, а иногда и три раза въ день. Правда, самоваръ мнѣ преподноситъ сама хозяйка дома, жена дворянина Марфа Ивановна Жукъ, но я не виноватъ, что она изъ скупости, а можетъ-быть и изъ излишней экономіи, не держитъ ни горничной, ни стряпки. Да если бы мнѣ прислуживала и сама божественная Геба, то и это не давало бы мнѣ повода ночевать на улицѣ... Рѣшено! Я принялся колотить изо всей силы. Добрѣйшій барбосъ началъ мнѣ помогать отвратительнѣйшимъ воемъ, на который способны только «сибирскія собаки»— эта помѣсь пса и волка. Наконецъ, послышались сначала скрипъ сѣнной двери, потомъ тяжелое шлепанье по грязи во дворѣ, и вдругъ звонкій, но сердитый женскій голосъ окликнулъ: кто тамъ?

Господи! Вѣдь это голосъ самой Марфы Ивановны Жукъ! Тутъ я вспомнилъ, что мужа ея не было дома, — онъ два дня тому назадъ уѣхалъ по деревнямъ за покупкою скота, а я ушелъ изъ квартиры, помѣщающейся отдѣльно наверху, въ мезонинѣ, не предупредивши хозяйку. Я готовъ былъ убѣжать, но опомнился и назвалъ себя.

Калитка отворилась.

— Извините, Марфа Ивановна, пробормоталъ я, что мнѣ пришлось обезпокоить васъ. Развѣ Сергѣя вашего (онъ и приказчикъ, и работникъ, и дворникъ, и водовозъ) нѣтъ дома?

— О! его, батюшка, не добудишься ночью, хоть изъ пушки надъ нимъ пали!.. А я и не замѣтила, какъ вы улизнули, не знала, что васъ нѣтъ. Вы, должно быть, долго стучались... Долго? Говорите правду.

Гмъ! Правду тебѣ сказать! Какъ-бы не такъ!.. Человѣкъ своимъ положеніемъ въ обществѣ подобныхъ себѣ отличается отъ животныхъ тѣмъ, что ему приходится лгать, притворяться и лицемѣрить. Сами посудите: что бы было съ чудакомъ, который вздумалъ бы рѣзать правду-матку въ глаза и за глаза всѣмъ и каждому. Мнѣ кажется, что положеніе этого чудака было бы не слишкомъ завидное. Вотъ и я солгалъ. На вопросъ Марфы Ивановны о томъ, долго-ли я стучалъ? мнѣ слѣ-

довало, по совѣсти, сказать: добрыхъ полчаса! Но я сказалъ: самую малость!

— Впрочемъ,—прибавилъ я,—если бы мнѣ пришлось и долго стучать, то это ничего не значитъ. Мнѣ досадно только то, что долженъ былъ потревожить васъ самихъ, многоуважаемая Марфа Ивановна!..

— Пустяки, батюшка, отвѣчала Марфа Ивановна. Я не нѣженка, не барыня какая-либо, хотя мужъ и увѣряетъ меня, что я теперь какая-то дворянка сдѣлалась, да еще и столбовая. Ха, ха, ха! Слава Богу, что я услыхала, а то бы вамъ не достучаться и до утра, Сергѣя вы ни за что не подняли-бы. Этакого сони я и не видывала еще...

Въ эту минуту Марфа Ивановна, если бы даже была уродомъ, показалась бы мнѣ преотличной женщиной. Да она и въ дѣйствительности была славная женщина. Какъ хозяйка, она относилась ко мнѣ, своему квартиранту, крайне внимательно и предупредительно—черта весьма рѣдкая у томскихъ домохозяевъ и домохозяекъ. Какъ женщина, она была очень красива—тоже рѣдкость въ Томскѣ. Впрочемъ, это дѣло вкуса, а de gustibus non est disputandum—говоритъ пословица... Особенно обаятельной показалась мнѣ Марья Ивановна, когда мы вошли съ ней въ прихожую, и она взяла въ руку свѣчу, зажженную ею ранѣе, и хотѣла освѣтить лѣстницу, ведущую наверхъ въ мои апартаменты изъ прихожей, но освѣтила, кажется, болѣе собственную свою персону, чѣмъ лѣстницу.

Я и ранѣе любовался ея простымъ, но милымъ русскимъ лицомъ, со вздернутымъ носикомъ, яркимъ румянцемъ, карими, какъ смородинки, глазами и нетронутымъ (въ 32 года жизни) пурпуромъ сочныхъ губъ. Но почему-то именно теперь только разсмотрѣлъ я ее вполнѣ. Распахнувшаяся ситцевая кофта и концы большой красной наброшенной сверху на голову шерстяной шали не скрывали роскошныхъ формъ ея бюста и толстыхъ прядей золотистыхъ волосъ. изъ расплетшихся косъ. Стройная ея фигура невольно приковала къ себѣ мои взоры... Ей и въ голову не приходило, что теперь она въ своемъ дезабилье въ ты-

сячу разъ лучше, чѣмъ въ полномъ нарядѣ, въ шумящемъ атласномъ платьѣ малиноваго цвѣта, въ которомъ она красовалась передо мною, возвратясь изъ церкви и пригласивъ меня внизъ къ себѣ на чай, по случаю праздника Покрова въ этотъ день, именно въ 1 октября 1885 года.

Признаюсь, въ головѣ у меня зарождались фривольныя мысли, и я чуть не сдѣлалъ поползновенія заслужить отъ Марфы Ивановны прозвище «озорника» и вдобавокъ еще «стараго», но, призвавъ на помощь благоразуміе, я ограничился лишь тѣмъ, что еще разъ извинился передъ Марфой Ивановной за причиненное мною безпокойство и, пожелавъ ей пріятнѣйшихъ сновидѣній, пожалъ ея пухлую руку съ такимъ горячимъ чувствомъ, съ какимъ никогда еще не пожималъ.—Догадалась-ли она о томъ, что во мнѣ происходило? Не знаю, но полагаю, что догадалась, потому что и у ней рука замѣтно дрогнула.

Чортъ возьми! началъ я разсуждать съ самимъ собою, раздѣвшись и закутываясь въ одѣяло. Зачѣмъ такія видныя женщины, какъ Марфа Ивановна, достаются такимъ невзрачнымъ мужчинамъ?. Этотъ Альбертъ Петровичъ Жукъ—черномазый, худощавый, одна кожа да кости... А она?.. Настоящая Венера, только не милосская, сухопарая Венера, а чисто русская, сочная, дебелая... Разница между этой супружеской четой и въ умственномъ отношеніи великая. Онъ человѣкъ серьезный и довольно развитый. Съ нимъ можно обо всемъ, даже и о Бисмаркѣ поговорить, а она простая, необразованная и вѣроятно неграмотная деревенская женщина... И этакія двѣ противоположности сошлись какимъ-то чудомъ, живутъ себѣ въ мирѣ, согласіи и, пожалуй, въ любви.. Она его называетъ: «мой Жучокъ», а онъ ее: «душка мила», и этакъ всю жизнь еще проживутъ. А ты, старый холостякъ, гляди на нихъ и...

Я готовъ согласиться съ Шопенгауеромъ,—этимъ страшнымъ циникомъ въ «дѣлахъ по любовной части», что въ непостижимомъ сближеніи «Жучка» и «душки милой» играетъ роль «закона взаимнаго притяженія контрастовъ». Вѣдь изобрѣтенный

Шопенгауэромъ «геній рода» только и хлопочетъ о томъ, чтобы посредствомъ сближенія противоположностей исправить пробѣлы, поддержать равновѣсіе и плотнѣе населить хлѣвъ, называемый человѣческимъ міромъ. Здѣсь дѣло идетъ не просто о наслажденіи или страданіи, чисто индивидуальныхъ, какъ во всѣхъ другихъ интересахъ жизни, а о существованіи и самомъ качествѣ рода человѣческаго будущихъ временъ... Съ первой встрѣчей страстныхъ взглядовъ двухъ влюбленныхъ загорается жизнь будущей индивидуальности, имѣющей произойти отъ слiянiя ихъ въ бракѣ... Если такъ, почему же у господина и госпожи Жукъ дѣтей не было и нѣтъ? Должно быть геній рода ошибся, если только возможно такому ловкому и тонкому политику, какимъ его изобразилъ франкфуртскій отшельникъ, ошибаться... Но я забываю, что Марфа Ивановна, кромѣ реальной, чувственной и здоровой красоты, обладаетъ еще чисто-дѣтской веселостью, наивной болтливостью и сердечной добротой. Это весьма рѣдкія достоинства въ женщинахъ, какъ рѣдка у мужчинъ бодрая и веселая старость, способная воодушевляться и воодушевлять молодость... Достоинства эти выпадаютъ на долю немногихъ женщинъ и, благодаря имъ, женщины, несмотря даже на ограниченное умственное развитіе, приковываютъ къ себѣ великихъ людей и поэтовъ, какъ напримѣръ Байронъ, Гейне. Вотъ въ чемъ и заключается очарованіе. Оно-то вѣроятно и побудило Альберта Петровича Жука предпочесть эту деревенскую красавицу разнымъ кисейнымъ барышнямъ съ ихъ кислосладкими привязанностями. Сколько разъ случалось мнѣ встрѣчать браки, даже между простыми людьми, въ которыхъ въ продолженіе не только десятилѣтней, но и всей жизни, сохранялись чувственныя отношенія (это основаніе всякой любви) во всей ихъ чарующей и привлекающей силѣ... Все тутъ зависѣло отъ умѣнья женщины разнообразить супружескую жизнь обмѣномъ шутки, угодливости и взаимной веселости, для чего не требовалось большого ума... Такія женщины никогда не надоѣдаютъ своимъ мужьямъ, не упадаютъ духомъ, и связь съ ними мужчины, даже и самаго развитаго, можетъ разсчитывать на постоянное удовольствіе... Нѣтъ ни-

чего хуже между женщинами, какъ такъ называемыя «брюзги и «печальницы». Эти несчастныя, ничѣмъ не удовлетворяясь сами, тоскуютъ и наводятъ тоску на мужа и даже отравляютъ жизнь себѣ и другимъ. Но если Марфа Ивановна могла приворожить къ себѣ урода Альберта Петровича Жука, то это все-таки не рѣшаетъ вопроса, какими чарами приворожилъ къ себѣ уродъ, Альбертъ Петровичъ Жукъ, Марфу Ивановну?.. Случаи, въ которыхъ мужчина влюбляется въ очень некрасивую женщину, происходятъ, вѣроятно, тогда, когда всякій ея физическій недостатокъ соотвѣтствуетъ противоположности его недостатковъ и такимъ образомъ устраняетъ передачу ихъ потомству. То же самое должно случаться и съ женщинами... Но я опять возвращаюсь къ противному Шопенгауеру. Къ чорту всѣхъ метафизиковъ!.. Лучше уснуть!

Вопросъ о чарахъ Альберта Петровича Жука, пускай, останется открытымъ... И я уснулъ. Но метафизика и во снѣ не дала мнѣ покою. Я увидѣлъ себя на какомъ-то островѣ, мѣстоположеніе и названіе котораго вы не найдете ни въ одной географіи. Вѣроятно этотъ островъ, если существуетъ,—то на какой-нибудь другой планетѣ. Но онъ былъ не пустой, а населенный довольно густо, и населеніе его, состоявшее изъ существъ тождественныхъ съ нами, повидимому, благоденствовало, потому что я видѣлъ и засѣянныя поля, и буйные хлѣба, и прекрасные сады, и чудесныя виллы. Избушекъ же, на куриныхъ ножкахъ, и лачугъ, въ родѣ землянокъ, не попадалось мнѣ ни одной. Въ городахъ же (впрочемъ, мнѣ пришлось посѣтить только одинъ городъ), я убѣдился, что тамъ процвѣтаютъ и солидная наука, и блестящая литература, и различныя учрежденія, однимъ словомъ все почти такъ, какъ и на нашей планетѣ. Только одинъ законъ показался мнѣ очень страннымъ и непонятнымъ. Такой законъ могъ присниться только человѣку, мысленно передъ сномъ согрѣшившему противъ десятой заповѣди. Законъ этотъ, изволите-ли видѣть, обязывалъ мужчинъ, желающихъ соединиться неразрывными брачными узами, избирать себѣ подругъ только изъ женщинъ самыхъ безобразныхъ и уродливыхъ. Всѣ же женщины, начиная съ такъ себѣ и мало-мальски смазливыя, до первѣйшихъ

красавицъ, должны были вести жизнь безбрачную и принадлежать (конечно не по принужденію, а по естественному влеченію) господамъ холостякамъ, въ числѣ которыхъ и я очутился. Не думайте, однако, чтобы безобразныя или уродливыя женщины оставались тамъ одинокими. У каждой имѣлся мужъ. Какимъ образомъ онѣ успѣвали обдѣлывать свои дѣлишки —это составляло ихъ секретъ. Но обратимся ко мнѣ. Въ то время, когда я готовъ былъ, очертя голову, броситься въ водоворотъ сладостныхъ «впечатлѣній бытія», откуда ни взялось передо мною криворотое, горбатое и съ огромнѣйшими очками на носу, чудовище женскаго пола, называемое одними госпожей Философіей, другими госпожей Метафизикой, а третьими госпожей Ерундой. И представьте себѣ—это чудовище безъ всякихъ чаръ, а только съ помощію чертовскаго умозрѣнія и дьявольской діалектики, до того отуманило мои мозгъ, что я невольно увлекся и мигомъ очутился... въ брачныхъ узищахъ!.. Когда же я опомнился, то было уже поздно. Законъ оказался неумолимымъ. Приходилось мнѣ на «праздникѣ жизни», словно на маскарадѣ, разгуливать подъ руку съ неотвязчивой, степенной супругой, искоса посматривать на шалости и блаженство холостыхъ, тайкомъ любоваться на недоступныя для меня прелести и тушить тайный жаръ желаній «метафизическимъ мороженымъ» различнаго сорта, на которое не скупилась моя благовѣрная... Прескверный сонъ, а положеніе и того сквернѣе...

Часу въ десятомъ утра Марфа Ивановна, по обыкновенію, заявилась ко мнѣ съ самоваромъ. Я пригласилъ ее откушать со мною чаю. Она не отказалась.

— Гдѣ это вы вчера загуляли? спросила она, смотря на меня своими добрыми, ласковыми глазами. Никогда такъ поздно не приходили. А главное не сказали, что уходите. Можно-ли такъ дѣлать? За это съ васъ штрафъ надо взыскать.... Нѣтъ... Я иначе съ вами распоряжусь. Въ другой разъ ни за что не пущу .. Вотъ что!

— Я былъ у одного знакомаго, а оттуда затащили меня въ театръ, Марфа Ивановна.

— Что же, весело время провели?

— Не слишкомъ.

— Хорошо-ли тамъ комедь ломали?

— Да «ломали» великолѣпно... А вы бываете въ театрѣ Марфа Ивановна?

— Случалось...

— Нравится-ли вамъ театръ?

— Не знаю, право, какъ вамъ сказать... Многаго я тамъ не понимаю... Мнѣ кажется, что тамъ хотятъ представлять жизнь въ точности, какъ она есть... Но далеко кулому до зайца!.. Въ жизни не такъ бываетъ, какъ на театрѣ представляютъ: черезъ чуръ уже прикрашиваютъ... Насмотрѣлась я тамъ, какъ жены обманываютъ мужей, и мужья женъ.. Ну, да это искусство, я думаю, мужья и жены и безъ театру знаютъ «оченно» хорошо.

— А вамъ чего же надо было бы еще? На такихъ обманахъ весь супружескій міръ вертится?

— А вотъ, какъ у насъ мужья женъ бьютъ, какъ заколачиваютъ ихъ на смерть,—того не представляютъ... Если бы это представляли, такъ, можетъ быть, у другихъ и руки на жену не подымались-бы... Стыдно, можетъ быть, сдѣлалось-бы... У насъ, батюшка, битье женъ такъ вселилось въ народѣ, что считается самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и, почитай, что закономъ. Поживите-ка въ нашихъ деревняхъ, присмотритесь со стороны, и у васъ сердце обольется кровію . По-моему, нѣтъ на свѣтѣ несчастнѣе созданія, какъ наши замужнія женщины, особенно въ простомъ народѣ.

— Съ этимъ согласенъ былъ и Некрасовъ, подумалъ я и самоувѣреннымъ тономъ прибавилъ:—это, Марфа Ивановна, происходитъ отъ того, что народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ.

— То есть, вы хотите сказать, что онъ темный, неграмотный, неученый. Такъ ли?

— Да! Больше ничего не приходится сказать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого! У насъ во флигелѣ квартировалъ чиновникъ,—человѣкъ, вѣроятно, образованный, потому что раньше учителемъ былъ.. И что же? Онъ чуть не каждый

день колотилъ свою жену. А женщина-то она была какая хорошая!.. Онъ ея подметки не стоилъ. Бѣдняжка! Часто у насъ отъ побоевъ пряталась... Разъ мы даже полицію призвали, думали онъ ее совсѣмъ на смерть укокошитъ. Взъѣлся онъ на насъ за это... У, у! какъ взъѣлся!.. Я васъ, говоритъ, подъ судъ упеку. Какъ вы смѣете вмѣшиваться въ дѣла мужа съ женой? Вы развѣ не знаете, что мнѣ надъ нею дана власть отъ самого Бога? Хочу—казню, хочу и помилую, и никому до этого дѣла нѣтъ... Что тутъ съ нимъ станешь толковать?.. подумали мы съ мужемъ, да и отказали ему отъ квартиры... Переѣхалъ онъ за Истокъ*), и я слышала—бѣдная женщина въ землю уже ушла отъ «мужниной власти»... Недалеко ходить, вотъ, напримѣръ, у меня сродная сестра была, тихая, скромная женщина, Софья Павловна. Любила я ее, какъ родную сестру. Замужъ ее выдали почти въ одно время со мною. Ушла она въ семью, считавшуюся зажиточной... Семья эта состояла изъ отца, матери и трехъ сыновей. Двое уже были женаты. Видъ у всѣхъ былъ какой-то угрюмый. Слова ласковаго у нихъ крючкомъ не вытянешь... А такъ какъ они не пьянствовали, ни у кого не одолжались и работниковъ не держали, а сами съ бабами по хозяйству управлялись, то и считали ихъ богачами, только скупыми... Софья Павловна была хотя не лѣнивая, но какая-то хлипкая. Въ ея рукахъ не могло дѣло спориться, какъ въ лапахъ здоровенныхъ невѣстокъ. И что же вы думаете? Били ее всѣ, и мужъ, и свекоръ, и свекровь, и невѣстки, били не для того, чтобы поучить, а для того единственно, чтобы скорѣе отдѣлаться и на ея мѣсто взять другую, болѣе годную работницу... Ну и взяли черезъ шесть недѣль, какъ схоронили Софью Павловну, бабищу, которую хоть въ соху запрягай. И не могутъ нахвалиться ея удалью... Звѣри, а не люди!.. У нашихъ крестьянъ, батюшка, женщина цѣнится наравнѣ со скотиной. Имъ ни красоты, ни любви, никакого человѣческаго чувства не надо, только работай до упаду... И отъ того у нихъ все прахомъ идетъ... Только кабаки процвѣтаютъ... Все у насъ такъ. Мужъ, вернувшись съ поля, вмѣсто того чтобы съ женою

*) Часть города въ Томскѣ.

душа въ душу поговорить, али позабавиться, норовитъ поскорѣе забраться въ кабакъ, а напившись, начинаетъ привередничать, или браниться... Какое же тутъ хорошее житье можетъ происходить?.. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, довелось намъ съ мужемъ больше году жить между татарами. Вы знаете сами, что такое татаринъ. Такой же неучъ, необразованный, какъ и нашъ крестьянинъ. Вдобавокъ еще и некрещеный. А посмотрите, какъ татары живутъ съ женами, даромъ что у нихъ не то, что одну, а двѣ, или три можно заразъ держать. Въ этой благодати для нихъ запрета нѣтъ. Мужъ мой служилъ писаремъ въ инородной управѣ. И я познакомилась почти со всѣми татарками. И представьте себѣ—ни разу не слыхивала я, чтобы мужъ жену поколотилъ. Вотъ и толкуйте, что битье женъ происходитъ отъ невѣжества.

По голосу Марфы Ивановны, по блеску ея глазъ и по особому серьезному выраженію ея лица, видно было, что она это битье горячо принимаетъ къ сердцу. Я долго на нее смотрѣлъ, наконецъ спросилъ:

— Неужели и вы несчастны, Марфа Ивановна? Альбертъ Петровичъ, кажется...

Марфа Ивановна странно какъ-то улыбнулась.

— Я не про себя рѣчь держу, а про другихъ. Неужели чужое горе не можетъ насъ печалить такъ же, какъ и наше собственное? Я вамъ говорю: поѣзжайте въ деревни, поживите въ нихъ, и вы увидите, какой содомъ въ нихъ творится. Мое дѣло другое, особенное... Натура у меня вышла такая, что я не позволила бы никому надъ собою изгаляться *)... Будь я посмирнѣе, можетъ-быть и мнѣ пришлось бы кулакомъ слезы утирать... Мой Жучокъ вѣдь бѣдовый, горячка.

— Неужели Альбертъ Петровичъ... охотникъ драться?

— И еще какой!.. Не глядите на него, что онъ сдѣланъ изъ трехъ лучинокъ... Драчунъ такой, какихъ мало!

— А мнѣ кажется... онъ такой смиренькій предъ вами, словно овечка.

*) Издѣваться.

— Онъ теперь только такой, а прежде совсѣмъ не то было.

— Какъ же вы его... оборудовали?

— Оборудовала его, батюшка, клюка! Ха, ха, ха!

— Какая клюка?

— Есть такая крѣпковьская палочка, а на ней вдѣто желѣзко съ загнутымъ концомъ... Добрая штучка! Ею въ печкѣ дрова мѣшаютъ, уголья тоже выгребаютъ... Ха, ха, ха!

— Ей Богу, ничего не понимаю... Объясните же мнѣ, Марфа Ивановна! Или нельзя?.. Семейная тайна можетъ быть?

— Отчего не объяснить, коли къ слову пришлось?.. Быль молодцу не укора, говоритъ пословица.. Я кажется вамъ сказывала, что я крестьянская дочь, изъ Маріинскаго округа. Мой Жучокъ, когда пришелъ въ Сибирь, лѣтъ семнадцать тому назадъ, причисленъ былъ тамъ же. Послѣ уже онъ перевелся сюда въ Томскъ. Служилъ онъ въ нашемъ селѣ писаремъ, а отецъ мой былъ сельскимъ старшиною, по нынѣшнему старостою. Крестьяне Жучка очень любили за то, что онъ человѣкъ не пьющій, не плутъ, обходился со всѣми ласково. Отецъ мой тоже съ нимъ подружился... Не хорошо, если старшина со своимъ писаремъ стали бы жить не въ ладахъ... Жучокъ часто бывалъ у насъ, и я ему поглянулась. Началъ онъ за мною ухаживать.. Сначала я его какъ будто дичилась, а потомъ ничего, онъ сталъ мнѣ нравиться больше и больше. Въ эту пору вздумалъ посватать меня одинъ поповичъ. Сестра моей матери, Василиса Андреевна была за нашимъ попомъ, отцомъ Венедиктомъ. Я у нихъ подолгу проживала. Отецъ Венедиктъ меня и грамотѣ училъ. Поповичъ этотъ былъ въ гостяхъ у отца Венедикта, увидалъ меня и попросилъ тетку Василису Андреевну, высватать ему меня. Она и заявилась къ намъ съ женихомъ въ полной увѣренности, что обтяпаетъ дѣльце... Происходило это на праздникахъ Рождества, на четвертый день, помню словно, какъ будто сегодня... часа въ два пополудни. Сидѣла у меня въ гостяхъ подружка, сродная сестричка Софья Павловна, о которой я вамъ уже говорила... Покойная тоже была сосватана уже за своего звѣря... Мы съ ней изъ горницы ушли въ куть, а попадья съ женихомъ и матерью моею оставались въ горницѣ. Мать

вхъ потчивала чаемъ и виномъ... Прислушались мы къ разговорамъ въ горницѣ и сразу поняли, съ чемъ дѣло. Цыганы на этотъ счетъ очень понятливы и догадливы. — Какъ тебѣ кажется, Соня? спрашиваю я у подружки, когда у меня прошелъ немного страхъ. А перепугалась я не на шутку, да и Соня вмѣстѣ со мною. Вѣдь сладостно для дѣвушки и [illegible], а дѣло рискованное. Буду ли я поповной, али цыганкой? — Это дѣло твоихъ родителей, отвѣтила мнѣ подружка. — А ты за кого бы пожелала? Чай, поповной лучше быть чѣмъ цыганкой. — Конечно лучше, говорю я. — Такъ значитъ только тебѣ и то браниться съ [illegible]комъ? — А если я тебѣ откровенно сознаюсь, что мнѣ онъ меньше нравится, чѣмъ... [illegible]? — Да развѣ онъ говорилъ съ твоимъ отцомъ? — Вотъ-то-то и горе, что не говорилъ до сихъ поръ... Прозѣваетъ, такъ пускай на себя пеняетъ.. Однако этому чернявому мнѣ хотѣлось-бы мало маленько пособить. — «Чѣмъ же ты пособишь? — Пособи-ка ты, Сонечка — Я? Что я смогу тутъ сдѣлать? — Вотъ что ты сдѣлай, сестричка! Сбѣгай въ мірскую, да и шепни Жучку отъ себя, что де ко мнѣ пришла сваха и за поповича сватаетъ. — Хорошо!.. А еще что прибавить? — Больше ничего, ни слова. Понимаешь? — Понимаю. Боишься, чтобы онъ не подумалъ, что ты сама ему навязываешься»... Я засмѣялась, а у меня кошки на сердцѣ такъ и скребутъ... Сами посудите, вѣдь тутъ судьба моя рѣшалась..

Софьюшка пошла въ горницу, попрощалась и ушла съ моимъ тайнымъ препорученіемъ. Вслѣдъ за ней и маменька пошла на другую половину и послала работника за отцомъ въ мірскую. Я сижу въ кутѣ... Тетка зоветъ меня въ горницу на бесѣду, а я не иду, сижу и думаю себѣ: крутая ли каша изъ этихъ затѣй выйдетъ, али пустая размазня? Сынъ священника былъ ничего себѣ, бѣлокурый, съ большими голубыми глазами, довольно видный мужчина. Отецъ его недавно умеръ и онъ на мѣсто его въ приходъ свой готовился. А о Жучкѣ и говорить нечего, однимъ словомъ Жучокъ, какъ есть Жучокъ. У поповича, сказывали, денегъ было много. Жучокъ тоже хвасталъ, что у него родня богатая. Но эта родня была гдѣ-то тамъ далеко, за горами, за до-

ламы, за широкими морями, то ли на небѣ, то ли на землѣ, а поповичъ жилъ въ сосѣднемъ селѣ... верстъ двадцать только отъ насъ. Впрочемъ, родня не забывала Жучка... Хоть понемногу, а частенько посылались ему денежонки, и онъ одѣвался чисто, по дворянски. Да и обращеніе его было такое вѣжливое, политичное, куда до него поповичу... Изъ-за этого-то обращенія онъ мнѣ больше всего и понравился...

Я и сама отъ него понемножку набралась какого-то москательнаго духу и начала какъ бы гордиться собою... То, на что я прежде не обратила бы никакого вниманія, становилось мнѣ непріятнымъ. Однимъ словомъ, я привередницей какой то сдѣлалась. Такъ привередницей меня подружки и называли. По вечерамъ, въ свободное время, Жучокъ приходилъ къ намъ и начиналъ разсказывать про свою родину, про своихъ земляковъ и особенно землячекъ. Это меня забавляло, потому, что я узнавала многое, что мнѣ и во снѣ не грезилось. Смѣшно мнѣ было, какъ у поляковъ, по разсказамъ Жучка, на свадьбахъ гости изъ башмака молодой вино пьютъ.—Неужели это правда? спрашивала я у него. Онъ началъ божиться.—Такъ-таки изъ башмака каждой молодой? допытывалась я.—«Нѣтъ, не каждой, а той, которая хорошенькая, и того заслуживаетъ».—Этакъ, пожалуй, и изъ моего еще пили бы, если бы я въ Польшѣ была?—«Всенепремѣнно, и я первый постарался бы удостоиться этой великой чести»—отвѣчалъ Жучокъ, привставъ и кланяясь. Я чуть не померла со смѣху. Такъ это чудно представилось не только мнѣ, но и Софьюшкѣ, и двумъ другимъ дѣвицамъ, сидѣвшимъ тогда у меня въ горницѣ. Но все это пустяки. Воротимся къ сватанью..—Если Жучокъ не явится, говорила я самой себѣ, не выраститъ сейчасъ передо мной, какъ листъ передъ травой, и не разстроитъ это сватанье, тогда Богъ съ нимъ!.. А если явится и начнетъ отбивать меня у поповича, то я посмотрю, какъ онъ будетъ дѣйствовать. если хорошо, то и я ему маленько пособлю.. Отецъ и мать все же таки должны будутъ спросить меня... Однимъ словомъ, въ этомъ дѣлѣ Жучокъ долженъ былъ показать себя въ настоящемъ видѣ, каковъ онъ есть,—молодецъ ли, или пентюхъ,

нюхря... Пришелъ изъ мірской отецъ... Слышу я всѣ разговоры, каждое слово ловлю, особенно отцовское, но ничего въ толкъ не могу себѣ взять... Отецъ мой человѣкъ своеобычный и упрямый, хотя съ виду и кажется шутникомъ... Но какія бы ни были его шутки и прибаутки, а онъ, что держитъ на умѣ, того не потеряетъ изъ виду, а всегда поставитъ на своемъ. Поэтому и трудно было къ нему приноровиться... Тетушка наговорила ему цѣлый коробъ разныхъ разностей... Отецъ ей не противорѣчилъ... «Что жъ, дѣло доброе... Я и самъ знаю, что пора Марфиньку окрутить, пока сама еще не окрутилась... Скорая нежданная женитьба — видимый рокъ... Смерть да жена — Богомъ суждена. Отецъ Василій былъ отличный человѣкъ... Знатно умѣлъ и денежки копить... Сынокъ, полагаю, не отродился отъ батюшки... А въ нынѣшнія времена въ деньгахъ вся сила... Чѣмъ быть работницей въ семьѣ мужика, лучше самой распоряжаться, винцо попивать да сладкими пряниками закусывать. Булка тоже не чета черному хлѣбу... Ишь ты, матушка, Василиса Андреевна, какъ раздобрѣла...» Вотъ что говорилъ мой отецъ. «Полно тебѣ шутки шутить, Иванъ Сергѣичъ! говоритъ тетушка. Будетъ время, нашутимся. Надо дѣло дѣлать. Самъ ты говоришь, что скорая, негаданная женитьба видимый рокъ. Ну и не надо упускать судьбу изъ рукъ, а то послѣ ее и за хвостъ не поймаешь». Тутъ тетушка подошла къ божницѣ, взяла коробокъ со спичками и зажгла передъ образами Божью свѣчку.

— Дѣло доходитъ до рукобитья, подумала я. Прощай Жучокъ! Видно ты молодецъ противъ овецъ, а на молодца и самъ овца. — И я заплакала... Вдругъ скрипнула дверь и кто-то вошелъ въ горницу. Слышу — голосъ Жучка, здоровается... Заглянула я въ щелку.. Жучокъ мой блѣднѣе полотна, только глаза какъ угли блестятъ да «чуприна»*) взъерошилась... Въ азартъ вошелъ, должно быть... У меня отъ сердца и отлегло. Что-то будетъ, думаю я себѣ. — «Что это у васъ происходитъ, Иванъ Сергѣевичъ?» спрашиваетъ Жучокъ у отца, поводя глазами на свѣчку. — Семейное дѣло, братецъ ты мой, отвѣчаетъ отецъ. — «Какое же

*) Хохолъ (польское.)

именно? Можно спросить? —Отчего? Между старшиною и писаремъ, братецъ ты мой, никакихъ секретовъ быть не должно. Вѣрно? —Вѣрно, Иванъ Сергѣичъ... Вотъ уже два года мы съ вами служимъ и я убѣдился, что вы ни съ чѣмъ не скрывались передо мною.. Позвольте же теперь полюбопытствовать, что у васъ происходитъ? —У насъ, братецъ ты мой, кое что происходитъ... По глупости нашей, возымѣли мы желаніе любезную дочку нашу, Марфу Ивановну, въ замужество отдать и въ попадьи произвести. —Какъ? Какимъ образомъ? —А вотъ этотъ господинъ изволитъ ее сватать за себя. Жучокъ повернулся къ семинаристу, окинулъ его глазами съ ногъ до головы, словно въ первый разъ его увидалъ, а между тѣмъ былъ съ нимъ давно знакомъ. Затѣмъ погладилъ свою «чуприну», подошелъ къ образамъ и затушилъ Божью свѣчку. —Что это значитъ? закричала тетушка, приподнимаясь съ лавки. Какъ вы смѣете, господинъ писарь, распоряжаться въ чужомъ домѣ, вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла? —Это значитъ, отвѣтилъ ей Жучокъ твердымъ голосомъ, что и я хочу просить руки Марфы Ивановны. Поэтому, пока я не сдѣлаю формальнаго предложенія, какъ это у насъ называется, и пока оно не обсудится по совѣсти родителями и наконецъ самой Марфой Ивановной въ пользу ли мою, или во вредъ, —дѣло это не можетъ считаться рѣшеннымъ, и Божью свѣчку зажигать было преждевременно. Я и потушилъ ее.—Ишь какой женихъ выискался! завопила тетушка. Откуда такой взялся?— Я съ вами, сударыня, и говорить не хочу. Вы не имѣете права критиковать жениховъ. Это право родителей и невѣсты. Вотъ я переговорю съ Иваномъ Сергѣичемъ, а тамъ пусть будетъ такъ, какъ Господь велитъ. Поговоримъ же, Иванъ Сергѣичъ, на особицу, потолкуемъ по душѣ, безъ хитрости и безъ сердцовъ. Ты человѣкъ, я знаю тебя, прямой, честный и разсудительный. Меня тоже ты знаешь. Сойдемся—ладно, а не сойдемся—ссориться не станемъ, и будемъ всегда друзьями, какъ были. —Пойдемъ, пойдемъ, братецъ ты мой... Сохрани Богъ, чтобы мы поссорились изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, коли никогда еще не ссорились изъ-за дѣловъ.—Жучокъ взялъ отца подъ руки и пошелъ съ нимъ въ

сѣли. -Молодецъ Жучокъ, подумала я, дѣйствуетъ хорошо, безъ свахи, самъ своей персоной. Это должно быть «по польскому». Тетушка взбѣленилась, стала мѣшать Жучка съ грязью передъ маменькой, и такой-то онъ, и сякой, и съ вѣселянцы-то онъ сорвался, и на цѣпи-то его привели въ Сибирь. Маменька только плечами пожимала. Женихъ же то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, и ходилъ изъ угла въ уголъ по горницѣ, да съ досады бородку свою повщипывалъ. Я сижу какъ на иголкахъ. Долго что-то толкуютъ отецъ съ Жучкомъ. Наконецъ они приходятъ. Всѣ замолчали, ровно воды въ ротъ набрали. Жучокъ сѣлъ на лавку, сложилъ руки на груди и ногой объ полъ постукиваетъ. Женихъ тоже присѣлъ и щиплетъ свою бородку. Смотрю я на отца—ничего особеннаго не вижу, улыбается, посматриваетъ то на Жучка, то на жениха.—Ну что же, Иванъ Сергѣичъ, отозвалась тетушка, взявши съ божницы коробокъ со спичками. Вѣдь надо же какъ-нибудь дѣло покончить!—Да, матушка, непремѣнно надо кончить, отвѣчаетъ отецъ. Вѣдь дѣло безъ конца, что кобыла безъ хвоста. Я право удивляюсь вашему снисхожденію. Можно ли тутъ еще колебаться?.. Смѣшно было бы со стороны даже поглядѣть на... насъ! -Вотъ что, матушка, началъ отецъ, совсѣмъ уже другимъ голосомъ, и взявъ у ней изъ рукъ коробокъ со спичками. Моей Марфинькѣ Господь Богъ, нежданно-негаданно, послалъ жениха, да и не одного, а цѣлыхъ двухъ. Одинъ хорошъ, да и другой, нельзя сказать, чтобы былъ не пригожъ. Ни того, ни другого охулить не могу. Такъ пускай сама Марфинька и рѣшитъ. Вѣдь, не намъ, а ей съ ними жить. Тетушка опять заартачилась.—Вы значитъ, Иванъ Сергѣичъ, мѣняете свой старый опытъ на дѣвичій легонькій умокъ. Его хотите слушаться? -Пожалуй, что и такъ, матушка.—Что же вы это затѣваете, Иванъ Сергѣичъ? Надъ древними отцовскими обычаями насмѣхаетесь!—Эхъ, матушка. Времена нонѣ другія настали и другіе обычаи требуются. Вотъ слыхалъ я, въ Томскомъ округѣ, въ Тутальской и Ояшенской волостяхъ, гдѣ строго держатся древнихъ отцовскихъ обычаевъ, парни по пашнямъ рыщутъ, словно звѣри, понравится имъ какая дѣвка они ее имаютъ, первоначально обезчестятъ, а

погомъ вѣнчаются. Бѣдныя волей—неволей, отъ стыда, должны покоряться своей участи*)... Хорошо-ли это, сама посудя, коли въ тебѣ имѣется какое-либо чувствіе?..—Ну такъ что же теперь вы дѣлать думаете? Что вы тамъ со своимъ писаремъ присогласовали?—Писарь мой тутъ ни при чемъ. У меня свой отцовскій смыслъ въ этомъ дѣлѣ будетъ руководствовать... Ну-ка благовѣрная моя супруга, Авдотья Андреевна, выводи изъ кута дочку нашу, Марфу Ивановну. Пускай съ Богомъ сама свою порѣшитъ судьбу. Наше дѣло дать ей только родительское благословеніе. Ошибется—пускай сама на себя пеняетъ.—Маменька со слезами пошла въ кутъ за мною. Я до того готова была на крыльяхъ летѣть, а тутъ давай упираться, какъ быкъ, котораго на убои тащатъ. На силу маменька меня въ горницу вывела.—Это что за глупости»? сказалъ мнѣ отецъ. Я оправилась, выпрямилась, приободрилась и спрашиваю: что вамъ угодно, батюшка?—Экая плутовка, говоритъ отецъ. Будто и не знаетъ! Чай ни одного словца не пропустила, что здѣсь говорилось. Ну, господа женихи, упреждаю васъ, что съ этой плутовкой надо держать ухо востро. Тутъ отецъ подошелъ къ образамъ, перекрестился и зажегъ Божью свѣчку.—Становись сюда, Марфа Ивановна, помолись Богу, хорошенько помолись, попроси Его, чтобы Онъ тебя вразумилъ и тогда повѣдай намъ, кого ты изъ этихъ двухъ молодцовъ желала бы себѣ въ супруги?.. Они оба тебя пожелали и мы ни одного изъ нихъ похулить не можемъ, оба хороши!.. Постояла я немного съ опущенными въ землю глазами, помялась, да и думаю: надо же рѣшиться. Вѣдь всѣ ждутъ моего отвѣта. Подошла я къ образамъ, перекрестилась, положила для начала три земныхъ поклона, произнесла молитву, какая мнѣ первая пришла въ голову, опять положила три поклона и призадумалась. И представьте себѣ, какое диво совершилось надо мною?.. Мысль моя повернулась на сторону священническаго сына. Вѣдь онъ, думаю я себѣ, служитель Бога, у котораго я сейчасъ испрашивала себѣ вразумленія. А Жучокъ какой-то другой вѣры, хотя и говоритъ, что и его вѣра такая же, какъ наша... За перваго выйти значитъ

*) Это не вымыселъ.

быть въ почетѣ... Отецъ самъ говорилъ, что это лучше, чѣмъ быть за мужикомъ. Жучокъ хотя не мужикъ, хотя и не занимается пашнею, но все-таки ему далеко до священника... Чего же мнѣ тутъ долго думать еще?.. Я и хотѣла уже повернуться и объявить свое рѣшительное слово, но тутъ я вспомнила отца, какъ онъ для міру трудился день и ночь, какъ онъ душу готовъ былъ положить за міръ. Нѣтъ, говорю себѣ, не пойду я за священническаго сына. Лучше пойду за Жучка. Жучокъ служитъ міру также, какъ и отецъ... Будемъ же лучше горе мыкать вмѣстѣ съ міромъ... Тутъ мнѣ опять геройство представилось Жучка, съ какимъ онъ передъ самымъ почти носомъ тетушки затушилъ зажженную ею Божью свѣчку, и сердце мое еще пуще потянулось къ нему.—Ну, что Марфа Ивановна? заговорилъ отецъ. Какъ Господь васъ надоумилъ? Не томите молодцовъ, да и насъ тоже вмѣстѣ съ ними! Я обернулась и говорю: Я батюшка согласна... и вдругъ у меня голосу не стало, словно кто бритвой перерѣзалъ мнѣ горло. Отецъ подошелъ ко мнѣ.—Ну, говори же, за котораго? шепчетъ онъ мнѣ. Я бросилась къ нему на шею и залилась слезами. —Полно ребячиться! Вѣдь тутъ не шутки шутить, а дѣло должна ты говорить!..—За мірского человѣка, за писаря! проговорила я и спрятала голову на груди отца. Отецъ меня крѣпко прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ...—Ай да, Марфа Ивановна! закричалъ онъ радостно. Ей, ей, не чаялъ я отъ тебя такой прыти... Ну, благословляю тебя за писаря, Альберта Петровича Жучка!.—Вотъ такъ штука! завопила, не то насмѣшливо, не то сердито тетушка, схватила шубу и шаль, не простилась и убѣжала, хлопнувъ дверью такъ, что вся изба затряслась. Отказанный женихъ тоже началъ собираться въ путь-дороженьку, и у него съ языка сорвалось какое-то нехорошее слово противъ Жучка. Тотъ подскочилъ къ нему и потребовалъ, чтобы онъ повторилъ это слово, и если бы отецъ не сталъ между ними, то не знаю, что бы у нихъ вышло. Вотъ какимъ образомъ я безъ сватанья, безъ всякихъ причандаловъ, очутилась невѣстою Жучка. Ему къ новому году родные послали 100 рублей, и у насъ на скорую руку затѣялась свадьба. Дня за два до свадьбы пріѣхалъ

въ наше село засѣдатель на какое-то слѣдствіе. У этого засѣдателя былъ письмоводитель изъ поляковъ, землякъ моему Жучку, съ одного съ нимъ мѣста значитъ... Славный такой человѣкъ, не молодыхъ уже лѣтъ, но такой шустрый. Звали его Сигизмундъ Павловичъ. Онъ лѣтъ десять какъ уѣхалъ уже въ Польшу. Но еще живъ и письма къ Жучку пишетъ... А мнѣ даже и гостинцы посылаетъ. Славный человѣкъ!.. Дай Богъ ему лѣтъ сто прожить! Жучокъ, какъ земляка, пригласилъ Сигизмунда Павловича быть ему отцомъ посаженнымъ, т. е. благословить его къ вѣнцу. Тотъ съ радостію согласился и послалъ въ городъ нарочно нанятаго человѣка за нѣкоторыми подарками для меня и разными покупками. Привезли мнѣ изъ города дорогое подвѣнечное платье, цвѣты, атласные башмаки... Нарядилась я, словно принцесса какая... Все это Сигизмундъ Павловичъ на свой счетъ устроилъ... И шампанскаго даже выписалъ. Услыхала обо всѣхъ этихъ затѣяхъ тетушка Василиса Андреевна, тотчасъ же прибѣжала къ намъ и давай ко мнѣ навязываться въ свахи... Посовѣтовалась я съ Жучкомъ, тотъ сначала и руками и ногами замахалъ, а потомъ говоритъ.—Ладно! пускай только она будетъ не свахой, а моей посаженной матерью, пускай теперь поблагословитъ того, кого называла висѣльникомъ и цѣпнымъ арестантомъ... Этакой проказникъ!..

— Что же, согласилась ли она?

— Какъ тутъ не согласиться?.. когда такая богатая свадьба затѣвалась... Ну, вотъ мы и отпраздновали свадьбу... Вышла я не какая-нибудь, а какъ слѣдуетъ быть... Родителей своихъ краснѣть не заставила...

— Только сами теперь покраснѣли, Марфа Ивановна.

— А вы хотите слушать, такъ слушайте, не перерывайте, а то я убѣгу, и сказка будетъ вся.

— Продолжайте, продолжайте, Марфа Ивановна... Отъ души говорю, что я готовъ васъ слушать день и ночь... Ну-съ, свадьбу отыграли... погуляли...

— Цѣлую, какъ есть, недѣлю гулянка продолжалась.

— Отлично! А изъ атласныхъ башмачковъ вашихъ шампанское пили?

— Какъ не пили! Сигизмундъ Павловичъ на всѣ эти выдумки былъ первый затѣйщикъ. Пилъ и онъ самъ, и Жучокъ, и еще тутъ было нѣсколько поляковъ. Посумасшествовали изрядно таки... Жучокъ жилъ на квартирѣ постоянно съ той поры, какъ пріѣхалъ, у одного семейнаго поляка. Тотъ былъ съ капиталомъ и обзавелся хозяйствомъ, и такой выстроилъ себѣ домъ, не на деревенскій манеръ, а на городской, въ четыре комнаты... просто прелесть.. При домѣ были и погребъ, и амбаръ, и завозня, и станки для лошадей и коровъ, и даже голубятня. Та еще красивѣе дома... Полякъ охотникъ былъ до голубей... Незадолго до нашей свадьбы, этому поляку вышло воротиться на родину. Онъ свой домикъ и отдалъ въ полное владѣніе Жучку съ тѣмъ, чтобы Жучокъ никому не продавалъ его, а если самъ не захочетъ въ немъ жить, то другому бы передалъ, какому нибудь бѣдному поляку, съ такимъ же условіемъ: не продавать, а только передавать одинъ другому... Не знаю какъ тамъ, на своей родинѣ, а у насъ, въ Сибири, поляки очень дружно между собою живутъ и въ нуждѣ стараются пособлять другъ другу. Такимъ образомъ Жучку приходилось свадьбу сыграть какъ будто въ своемъ собственномъ домѣ, потому что прежній его хозяинъ съ семействомъ уѣхалъ почти за мѣсяцъ до нашей свадьбы... Отецъ далъ мнѣ въ приданое двѣ лошади, двѣ коровы и десять овецъ, насъ вѣдь было только двое, я и братъ, братъ моложе меня пятью годами... Зажили мы съ Жучкомъ полнымъ хозяйствомъ... Прошла недѣля, другая, третья, четвертая—ничего, живемъ себѣ согласно, душа въ душу, воркуемъ, какъ голубочки въ нашей голубятнѣ, никакимъ противнымъ поступкомъ другъ друга не огорчаемъ Жучокъ почти весь день просиживалъ въ мірской надъ бумагами и приходилъ только къ обѣду, чаю и ужину. Только на пятой недѣлѣ, послѣ свадьбы, случился у насъ казусъ. Прибѣжалъ Жучокъ изъ мірской обѣдать. —«Скорѣе, скорѣе, кричитъ онъ мнѣ, давай, душка милая, жрать. У меня много экстреннаго дѣла.»—Столъ у меня, по обыкновенію, былъ уже накрытый, оставалось только щи налить въ чашку и подать. Каша и жарьое тоже были наготовѣ. Я и подала щи. А онѣ были горячія.—Жучокъ, какъ самъ горячій че-

ловѣкъ, любитъ, чтобы все у него было горячее, кипѣло съ ключа... Второпяхъ онъ забылся и хватилъ въ ротъ сразу... Ну и обжегся. Вскочилъ, какъ бѣшеный, бросилъ ложку на столъ, чашку со щами объ полъ, да и далъ мнѣ оплеуху одну, затѣмъ другую, а тамъ и третью. Вижу я, что и четвертая, пожалуй, прилетитъ, завыла, да и убѣжала въ спальню. Онъ сейчасъ и ушелъ въ мірскую... Сижу я въ спаленкѣ, заливаюсь горькими слезами и думаю себѣ: за что это муженекъ меня поколотилъ? Что такое я сдѣлала? Самъ же приказывалъ, чтобы щи всегда были какъ можно горячѣе... Мнѣ не такъ было больно, какъ досадно... Я хотѣла плюнуть на все, убѣжать къ матери и никогда къ мужу не возвращаться. Но потомъ думаю: что же изъ этого хорошаго выйдетъ? Срамъ... Нечего дѣлать, надо покориться своей горькой участи. Прощай теперь голубиная любовь... начнутся колотушки, подзатыльники, взбучки, какъ это водится у насъ по обычаю... Отошли должно быть мои красные дни, теперь начнутся черные... Что тутъ подѣлаешь? Вѣдь онъ мужъ... По обычаю нашему, онъ можетъ колотить меня, а я и пикнуть не должна. Такая ужъ наша доля женская. Пошла я, прибрала черепки чашки съ полу, подмыла полъ... Слѣдовало самой умыться... но я не умылась... Все какъ-то противно мнѣ сдѣлалось, и сама себѣ я опротивѣла... Не до нарядности мнѣ теперь было. Жучокъ и къ чаю вечернему не явился. Наступила ночь... Я жду его къ ужину и огонь не тушу. Наконецъ онъ приходитъ, чуть не въ полночь. Стала я ему собирать ужинъ.— «Не надо!» говоритъ. «Не хочу», а самъ на меня и не глядитъ. «Ты чего же сердишься? спрашиваю. Вѣдь щи были такія, какія ты любишь. Я не виновата, что ты обжегся. Ты вѣдь не маленькій.— «А ты не сердишься?» спрашивалъ онъ, и все-таки на меня глазъ не поднимаетъ.—«За что мнѣ сердиться? Не чужая я тебѣ, а законная жена... Можешь надо мною изгаляться, какъ твоей ярой душенькѣ угодно, на то я и жена.—«Гмъ! Какъ тутъ не сердиться? Вѣдь я поколотилъ тебя, и больно поколотилъ, чортъ бы меня побралъ!—Поколотилъ, ну такъ что же, что поколотилъ?.. Жена не должна за это сердиться... Грѣшно!..» Тутъ я засмѣялась. Смѣшно мнѣ сдѣлалось. Жучокъ подошелъ ко мнѣ,

посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и взялъ за обѣ руки.—«Нѣтъ! Ты скажи мнѣ, душка мила, правду, не сердишься?»—Я тебѣ русскимъ языкомъ сказала, что не сержусь.—Странно мнѣ, какъ ты своимъ польскимъ разумомъ не можешь этого понять?.. Тутъ онъ началъ цѣловать мои руки... Мы и помирились... ровно ничего между нами не происходило. А все-таки на другой, на третій день, а затѣмъ и въ слѣдующіе дни, я не переставала думать, что какъ бы ни хорошо, по нашему закону, было это битье, а все-таки въ немъ толку большого не представляется. Прежде, то есть до битья, я ожидала прихода мужа съ большимъ нетерпѣніемъ, ровно солнышка яснаго, таяла отъ радости, когда заслышу его шаги, смѣло къ нему на шею бросалась, когда онъ входилъ въ комнату. А теперь, какъ заслышу, что онъ идетъ, у меня сердце и екнетъ, словно какъ случалось иной разъ на покосѣ, когда увидишь, что надвигается темная туча грозовая.. Все думается: поколотитъ-ли онъ меня за что-нибудь? Однимъ словомъ, прежняя беззаботная моя къ нему довѣрчивость исчезла.. Я не подходила къ нему до тѣхъ поръ, пока по его взглядамъ не увѣрюсь, что опаски нѣтъ. Тогда я забывала страхъ и была къ нему со всей душой, какъ и въ первые дни. Какъ-то вскорѣ пріѣхалъ съ засѣдателемъ Сигизмундъ Павловичъ. Пріѣхалъ онъ ночью, а утромъ вздумалось ему навѣстить дѣвушекъ, которыхъ ему Богъ послалъ на чужой дальней сторонкѣ. Жучокъ былъ въ мирской. Я сейчасъ поставила самоваръ, приготовила закуску. Имѣлась у меня, на случай, бутылочка краснаго винца...—Какъ поживаешь, дочка? спрашиваетъ меня Сигизмундъ Павловичъ.—Живу, слава Богу, батюшка. Какъ Богъ васъ милуетъ?—Ладно-ли живете съ мужемъ? Не ссоритесь-ли?—Нѣтъ. Не деретесь-ли?—Нѣтъ. А впрочемъ былъ тотъ грѣхъ.—Какъ? вскрикнулъ Сигизмундъ Павловичъ и вскочилъ со стула, какъ ужаленный. Что ты говоришь? Я и разсказала ему все, какъ случилось со нами, разсказала не съ тѣмъ, чтобы жаловаться, а такъ, по моей сердечной откровенности, больше для смѣха, больше винила себя, чѣмъ Жучка!—Не хорошо, говоритъ Сигизмундъ Павловичъ, не хорошо съ его стороны это.—Я и сама думаю, батюшка, что не хорошо. Да что прикажете дѣлать.. Надо тер-

пѣть. Безъ этого сколько я ни примѣчаю, въ нашей жизни не обходится.—Нѣтъ, нѣтъ! что не хорошо, то не хорошо! говоритъ Сигизмундъ Павловичъ. Вотъ что, дочка! Я какъ вашъ посаженный отецъ, даю тебѣ совѣтъ, а ты должна его исполнить въ точности. Слышишь?—Слышу батюшко, рада стараться.—Я знаю, мужъ твой человѣкъ недурной, не злой, но горячій, взбалмошный... А все-таки драться ему не слѣдуетъ. Это уже чортъ знаетъ, на что похоже... Такъ вотъ, что ты сдѣлай: если онъ осмѣлится еще когда-нибудь поднять на тебя руку, такъ ты схвати полѣно и, съ моего совѣта, огрѣй его разъ десять по чемъ попало... Вѣдь ты совладаешь съ нимъ? какъ думаешь?—И трехъ такихъ жидконогихъ для меня мало, батюшка. Вотъ и отлично.. Учи его въ мою голову.—Да вѣдь онъ мнѣ законный мужъ, батюшка. Какъ же можно ему супротивничать? —Когда онъ рѣшился на тебя руку поднять, то онъ тебѣ не мужъ, не другъ, а врагъ.—Вѣдь онъ меня любитъ, батюшка, шибко любитъ.—Еще-бы тебя не любить!.. Да онъ вѣроятно думаетъ себѣ, что ты «хлопка»*) и ему, панскому**) отродью, съ тобою церемониться не слѣдуетъ.. Сама ты посуди: можетъ-ли существовать искренняя любовь тамъ, гдѣ побои?—Этого можетъ быть не происходитъ у васъ, у поляковъ, а у насъ, батюшка, русскихъ, случается это сплошь и рядомъ. У насъ, старички баютъ: только тамъ и любовь, гдѣ побои.—Вздоръ баютъ ваши старички. Не вѣрь этому. Люди вездѣ одинаковы... только разнымъ лыкомъ подвязаны.. Жучокъ должно-быть въ мірской избѣ понабрался этого козьяго духу.,. Скажи мнѣ правду: отецъ твой бьетъ ли твою мать, Авдотью Андреевну?—Никогда я не видала, батюшка.—А есть-ли у васъ въ селѣ такія семьи, гдѣ мужья женъ не колотятъ?—Есть, только мало... не болѣе какъ три... четыре.—Хорошо-ли онѣ живутъ? Счастливо-ли?—Очень даже, лучше всѣхъ.—Вотъ видишь сама, есть такіе, которые обходятся и безъ битья женъ и живутъ, какъ сама говоришь, лучше прочихъ.. Богъ имъ за это и счастіе посылаетъ. По-моему пускай лучше ужъ жена била бы мужа, чѣмъ мужъ жену.—Не-

*) Мужичка, крестьянка (польское.)

**) Господскому (тоже.)

ужели это не все равно, батюшка?—Большая разница, дочка... Я по опыту знаю, что если женщина поколотитъ мужа, то всегда не безъ причины, а за дѣло... Онъ заслуживаетъ этого. Мужъ же всегда жену зря бьетъ.—Отчего же это батюшка происходитъ? —Отъ того, что женщина умнѣе мужчины... Она сердцемъ своимъ угадываетъ болѣе того, что онъ своимъ острымъ умомъ опредѣлять можетъ!..—Чудеса какія-то вы мнѣ разсказываете, батюшка.—Не чудеса, а самыя обыкновенныя вещи. Бить жену! Да это что такое?.. Не думалъ я, чтобы Жучокъ твой былъ такой дуракъ... Надо образумить его непремѣнно. И ты, дочка, образумь сама его хорошенько. Кулачка своего не порти, а полѣнцомъ, полѣнцомъ съѣзди его такъ, чтобы онъ помнилъ навсегда!—Да вѣдь мнѣ очень жалко будетъ его батюшка, если я его побью.—А развѣ онъ тебя жалѣлъ, когда билъ?—Помолчала я, подумала немного, засмѣялась, и говорю Сигизмунду Павловичу: Постараюсь, батюшка, при случаѣ воспользоваться вашимъ благимъ совѣтомъ,.. Только боюсь, чтобы не вышло чего-либо худого — Ничего худого не выйдетъ, только не поддавайся. Поддашься, все пропало.—Тутъ пришелъ Жучокъ. Сигизмундъ Павловичъ ни слова о битьѣ не сказалъ, только, прощаясь, шепнулъ мнѣ потихоньку:—Смотри, дочка, не забывай моего совѣта, при случаѣ!—Ладно, батюшка! говорю я, не забуду... Случай вскорѣ и представился. На масленицѣ пришла ко мнѣ маменька моя въ гости. Посидѣли мы съ нею, чаю напились, блинковъ покушали, я и проводила ее на улицу, за калитку. Тамъ еще немного покалякали. Мать звала меня къ себѣ вечеркомъ.. Наконецъ ушла. Я пошла тоже къ себѣ, да и забыла выдернуть ремешокъ у калитки. Жучокъ велѣлъ всегда выдергивать ремешокъ этотъ потому, что на дворѣ у насъ, около амбара, иногда кое-что лежало, а по селу шлялись нищіе, большею частію пропойцы, того и гляди, что стянутъ что-нибудь. Калитку же самъ Жучокъ умѣлъ отпирать и безъ ремешка. Потомъ я отправилась на заднiй дворъ и тамъ довольно долго замѣшкалась. Въ это время зашелъ къ намъ во дворъ одинъ изъ пропойцевъ, нашъ же крестьянинъ, и довольно зажиточный. Сыновья его ему на пьянство кое-когда давали, но часто и не давали. Въ такія ми-

нуты онъ и на воровство пускался... Зашелъ онъ и въ домъ нашъ. Видитъ — никого нѣту, онъ тутъ и стянулъ два полотенца хорошія, шаль мою, шапку бобровую старую и направился съ ними къ калиткѣ. На грѣхъ явился Жучокъ. Видитъ калитка отперта, а во дворѣ извѣстный воръ пропойца. Онъ тотчасъ къ нему, обыскалъ его и отобралъ всѣ вещи. Затѣмъ выпроводилъ его за калитку, давъ ему нѣсколько копеекъ на выпивку, ради масленицы, заперъ калитку и пришелъ въ домъ. Никого нигдѣ, хоть все вытаскивай. Заглянулъ онъ на задній дворъ, увидѣлъ меня и вернулся въ комнаты, ни слова мнѣ не сказавши. Вижу я, что онъ поглядѣлъ на меня такъ, какъ тогда, когда обжегся и чашку со щами бросилъ объ полъ, и думаю себѣ: быть бѣдѣ неминучей. Сердце во мнѣ заходило ходенемъ. Постояла я этакъ минуты съ двѣ и иду, иду храбро, потому, потому что мнѣ припомнился совѣтъ Сигизмунда Павловича, благословеннаго батюшки. Будь, что будетъ, а ужъ я постою за себя! Направилась я не въ горницы, а въ кухню. Жучокъ тамъ. Едва я переступила черезъ порогъ, онъ подскочилъ ко мнѣ и... бацъ! Опять бацъ! и еще — бацъ! Я просто свѣту не взвидѣла... Схватила я наконецъ клюку, и ну его, моего супостата грознаго, и ну его тузить, по чемъ попало. Била я его до тѣхъ поръ, пока клюка не переломилась... Говорилъ ли онъ что-нибудь — не знаю, не слышала... Я была словно ошалѣлая, и слѣпая, и глухая. Однако опомнилась какъ-то. Стою я героемъ по срединѣ кухни, а онъ, бѣдняга, какъ заяцъ, притаился въ углу за печкой... Глядимъ мы другъ на друга настоящими звѣрьми... Говорятъ, что люди тѣ же звѣри, когда изъ себя выйдутъ и забудутъ, что они люди. — Что идолъ черномазый! будешь ли ни за что, ни про что больше еще меня бить? кричу я ему не своимъ голосомъ, а сама вся трясусь, какъ въ лихорадкѣ. Молчитъ онъ, не глядитъ на меня, да вдругъ и расплакался. Поглядѣла я на него, да и сама въ слезы. Все геройство мое пропало. Бросилась я Жучку на шею и цѣловать его стала. Плакали мы оба долго и ничего не говорили. Да и потомъ никогда уже не поминаемъ объ этомъ случаѣ... Стыдно было обоимъ... Гузы*) и синевины долго у него

*) Опухоли, волдыри (польское.)

не сходили. Славно я его отдубасила. Удивительно, какъ я ему еще реберъ не переломала. Впрочемъ, я тогда сама себя не помнила, да и удары мои больше сыпались на стѣнку и печку, чѣмъ на него. Пришлось забѣливать и стѣны, и печку... Вотъ какая оказія у насъ случилась. И стыдно, и смѣшно объ ней даже вспоминать теперь.

— Что же дальше, Марфа Ивановна? заговорилъ я снова, видя, что она какъ будто воздерживается покончить на этомъ.

— Дальше? Какъ есть ничего. Съ тѣхъ поръ Жучокъ и пальцемъ меня не тронетъ. Разсердится бывало, иногда и есть за что, тоже и я вѣдь не безъ грѣха, но только зубами заскрипнетъ и проворчитъ себѣ подъ носъ: „Пся кревъ!“*) и только... Мало-по-малу мы себѣ стали жить безъ всякаго стѣсненія. Каждый изъ насъ дѣлаетъ, что хочетъ, безъ хитрости и сердцовъ, да и посовѣтуемся другъ съ другомъ. Наконецъ у насъ какъ то само собою все устраивается такъ, что мы ничего не сдѣлаемъ такого, что было-бы кому-нибудь изъ насъ огорчительно. При битьѣ и опаскѣ, я думаю, этого согласія никогда не произошло-бы. Исчезла бы всякая довѣрчивость, а съ ней и любовь, и насъ заѣла бы скрытая вражда, неурядица и скука...

Наступила длинная пауза, въ продолженіе которой мы, какъ то сосредоточенно, смотрѣли другъ на друга. Не знаю, что выражалъ мой взглядъ, но взглядъ Марфы Ивановны сіялъ какимъ то спокойнымъ самодовольствіемъ, къ которому не примѣшивалось ничего напускного, натянутаго, задорнаго. Словно она высказала все, что было на ея душѣ и ей самой сдѣлалось легче.

— Разскажите еще что-нибудь, милѣйшая Марфа Ивановна.

— Неужели я вамъ не наскучила еще?

— Я вамъ раньше говорилъ, что готовъ васъ слушать день и ночь.

— Проказники вы, право! Охота вамъ разныя дрязги слушать.

— Дрязги-то и составляютъ суть въ нашей жизни.. Хотя мы и не перестаемъ морочить себя мнимыми великими дѣлами...

*) Собачья кровь (польская ругань.)

Скажите мнѣ: поблагодарили ли вы чудака, Сигизмунда Павловича, за благой его совѣтъ?

— Какъ же, какъ же! Какъ тутъ не станешь благодарить!.. По прежде у меня вышла съ дядюшкою маленькая катафазія... Ахъ, какая я необтесанная! Надо сказать: катавасія, а у меня вышла катафазія. Ха, ха, ха!

— Пускай будетъ и катафазія. Для меня это все равно, Марфа Ивановна.

— Это вы такой невзыскательный... А мой Жучокъ часто меня осуждаетъ за то, что я коверкаю разныя слова. Что же я буду дѣлать, коли у меня языкъ такой таловый? Хочешь сказать такъ, а сорвется иначе. Послѣ моей исторіи съ клюкой, которая случилась на масленицѣ, пришелъ къ намъ, на первый день великаго поста, отецъ Венедиктъ, съ постной молитвой. О клюкѣ я только маменькѣ моей разсказывала. Она меня пожурила, а потомъ тетушкѣ шепнула. Той удаль моя понравилась, и она не утерпѣла, чтобы не похвастать передъ мужемъ, что вотъ-де у меня племянница какая бойкая, чуть реберъ мужу не переломала. На Пасху пріѣхалъ къ намъ и самъ Сигизмундъ Павловичъ. Вотъ я ему и говорю, когда мы съ нимъ очутились вдвоемъ: мнѣ батюшка слѣдуетъ поблагодарить васъ за совѣтъ, помните, который вы мнѣ дали на прощаніи.—Неужели у васъ опять что-нибудь произошло? спросилъ Сигизмундъ Павловичъ, словно испугавшись. Я ему разсказала о своемъ геройствѣ. Похохотали мы съ нимъ вдоволь, а потомъ онъ такую выстопку задалъ Альберту Петровичу Жуку, что мнѣ и самой жалко его было, словно я его опять поколотила. И говорилъ ему Сигизмундъ Павловичъ все это не по своему, не по польски, а по нашему, по-русски, чтобы и я слышала, да на усъ себѣ мотала...

— Что же такое онъ говорилъ, Марфа Ивановна?

— Мнѣ вамъ и не разсказать всего этого. Если-бы я была хорошо грамотная, то я это непремѣнно списала-бы себѣ на память. Но я только по печатному могу читать, пишу же такими каракульками, что и сама подчасъ не разберу.

— Можетъ быть вамъ удастся хоть что-нибудь вспомнить?

— Не надѣюсь, а впрочемъ попытаю: Вотъ, извольте знать, онъ сказывалъ, что когда-то былъ нѣкій народъ, такои народъ, отъ котораго многие хорошіе народы произошли. У этого народа, по преданію, были свои прародители, но ихъ Адамъ и Ева были не такие, какъ говорится въ нашей библіи, а совершенно иные. Наша Ева сама соблазнила Адама, и за это они оба пострадали: а ихняя прародительница всячески удерживала своего мужа отъ преступленія заповѣди Божіеи... А когда ихъ прародитель все-таки согрѣшилъ, и Господь его покаралъ, то она старалась утѣшить мужа, и за великую ея любовь мужъ ея былъ прощенъ Богомъ... Вотъ что онъ говорилъ... Еще онъ разсказывалъ, какъ этотъ народъ почиталъ женщину... Кого у нихъ женщина проклинала, того и самъ Богъ... Женскія слезы низводили съ неба огонь на тѣхъ, которые заставляли женщину плакать. Мужъ у нихъ жену свою называлъ госпожею и не смѣлъ ударить ее не только рукою, али плеткой, али вожжей, какъ это у насъ водится, но даже цвѣткомъ... Со временемъ обычаи эти перемѣнились... Ихніе мудрецы начали все передѣлывать на другой ладъ, по-своему, и довели до того, что женщина изъ госпожи сдѣлалась рабои, а мужчина ея владыкои. Былъ-ли такои чудной народъ на свѣтѣ, или Сигизмундъ Павловичъ выдумалъ его для назиданія Жучка,—не знаю. Вы люди ученые—должны это знать!

— Былъ, былъ, Марфа Ивановна.

— Какъ же онъ назывался?

— Арійцы.

— Такъ точно. Теперь я вспомнила. Сигизмундъ Павловичъ именно такъ и называлъ его. Хорошій должно быть народъ. А то сами посудите, что такое женщина въ нашемъ народѣ—все равно, что тварь. Дѣвица еще такъ-себѣ, по крайней мѣрѣ, кромѣ родителей не знаетъ надъ собою никакого начала. А замужняя, какъ скотина чествуется. Мужъ ее бьетъ, тиранитъ, въ гробъ заколачиваетъ и —ничего. Мужики между собою подерутся, ихъ вздуютъ на волостномъ судѣ, а сунься жена съ жалобою на побои отъ мужа, ее еще осмѣютъ. «Учить васъ надо, - говорятъ мудрые судьи. Жена безъ грозы хуже козы». Вотъ и подите съ ни-

ми. Они полагаютъ, что жена не имѣетъ никакого права жаловаться на мужа, и при каждомъ случаѣ стараются ее обвинить, а мужа оправдать... Хорошо было-бы такой поставовить законъ, чтобы мужья не смѣли бить женъ, а если который побьетъ, то чтобы и его самого вздули, какъ сидорову козу.

— Пожалуй вы, Марфа Ивановна, не прочь и отъ того, чтобы исполненіе приговоровъ, по предполагаемому вами закону, возлагалось на самихъ женщинъ?

— Ха, ха, ха! О, тогда бы онѣ мужьямъ такую баню справляли, что они и до новыхъ вѣниковъ не забывали бы. Но что ни говорите, а шутить этимъ дѣломъ не слѣдуетъ. Сколько разстройства въ семействахъ отъ этого битья происходитъ, сколько женъ убѣгаетъ отъ мужьевъ съ бродягами, варнаками, сколько уходитъ въ развратъ, сколько уродуется бѣдныхъ дѣтей въ этихъ «строженіяхъ»... Въ нашемъ селѣ было до двадцати уродовъ, по милости своихъ родителей драчуновъ: у того рука вывернута, у того нога, тотъ съ горбомъ, а этотъ съ двумя... Нѣсколько ребятъ совсѣмъ на смерть зашибли въ дракѣ... Міръ все это покрываетъ, какъ будто такъ и слѣдуетъ быть... Самое наше село даже чуть не выгорѣло до тла отъ этого битья. Былъ у насъ одинъ мужиченко, Власъ Степанычъ, собой невзрачный такой, но первый горлопанъ на сходкахъ. Онъ постоянно жену свою колотилъ. Жаловалась она обществу постоянно, даже угрожала, но ее же срамили.—«Мало ты ее учишь, говорили общественники.—Шибко она у тебя ротъ разѣваетъ. Не давай ей воли, Власъ Степановичъ»!.. Три раза она отъ побоевъ мужниныхъ скидывала мертвыхъ ребятъ, но это общественниковъ не трогало... Они все это покрывали... Вотъ помню, случилось это въ концѣ сентября, снѣгу впрочемъ еще не было, Власъ Степановичъ поколотилъ свою жену по обыкновенію, да и вышвырнулъ ее ночью изъ избы во дворъ, а самъ заперся въ избѣ... Лежала она долго, словно мертвая, наконецъ опомнилась, встала. Тутъ она и почувствовала въ сердцѣ своемъ неслыханную діавольскую злобу и ожесточеніе, не только противъ мужа, но и противъ міра, за потворство мужнину нраву. Были у ней въ карманѣ спички. Пошла она къ са-

рыю и зажгла солому, привезенную съ поля, а сама чрезъ огороды убѣжала къ своей матери... Вѣтеръ тогда былъ страшнѣйшій, просто съ ногъ сваливалъ. Солома запылала, и огонь пошелъ пластать по всему селу. Шестьдесятъ домовъ какъ не бывало. Первая изба сгорѣла Власа Степаныча, а съ нею и онъ самъ... Никто не зналъ, отъ чего произошелъ пожаръ, но какъ только пріѣхалъ засѣдатель на слѣдствіе, поджигательница сама явилась къ нему съ повинной, объяснила, какъ она скидывала ребятъ отъ побоевъ мужа, какъ старички это покрывали, а ему приказывали бить ее еще пуще, чтобы не смѣла жаловаться, и много кое чего насказала на старичковъ, въ томъ числѣ и сокрытіе убійства жены мужемъ и сына отцомъ... Все это она подняла въ подъ суда, не стѣснилась... Стоило же это дѣло нашимъ старичкамъ... Другіе до сихъ поръ оправиться не могутъ. Въ эту страшную ночь погорѣли отецъ мой и мы съ Жучкомъ... остались почти въ однѣхъ рубашкахъ... Лошади и скотъ даже погорѣли. Но не съ одними нами было такое несчастіе, а со многими. Тогда уже отецъ мой не служилъ... На мѣсто его былъ избранъ другой старшина, нечестный человѣкъ. Жучокъ не захотѣлъ съ нимъ служить и занимался хозяйствомъ. Выучила я его косить и жать, и ему очень понравилась эта работа... Но послѣ этого пожара пришлось ему опять браться за перо, и онъ поступилъ писаремъ въ инородную управу, къ татарамъ. У нихъ прожили мы болѣе года. Тутъ Господь послалъ намъ неожиданную милость. Какая-то тетка Жучка, очень богатая, умирая, вспомнила о племянничкѣ на чужой сторонѣ, мыкающемъ горе съ какой-то хлопкой», и завѣщала на его долю шесть тысячъ корбованцевъ.—Какъ только получилъ Жучокъ это наслѣдство, мы съ нимъ тотчасъ же переѣхали въ Томскъ, купили этотъ домишко и зажили себѣ настоящими «панами», хотя мое панство такого рода, что я и теперь не побрезгаю никакой черной работой. Сами видите, что я стряпки не держу, хотя и имѣю средства.. Безъ работы, безъ труда мнѣ кажется жить невозможно, и я не могу себѣ представить, какъ это живутъ другія, такъ называемыя барыни, цѣлый день палецъ о палецъ не ударятъ.

— А родители ваши живы, Марфа Ивановна?

— Живы слава Богу, лѣтъ семь тому назадъ отецъ мои съ братомъ переписались въ маріинскіе мѣщане и живутъ въ Маріинскѣ.

— Что жъ такъ? Отецъ вашъ, какъ вы сами объясняли, былъ вполнѣ мірской человѣкъ, стоявшій горой за міръ, за общину. Почему жъ онъ вдругъ отрѣшился отъ міра?

— Хорошо стоять за міръ, когда онъ приходится тебѣ по душѣ, когда увѣренъ, что каждый будетъ стоять, какъ и ты. А какъ видишь, что ты тянешь въ одну сторону, а прочіе въ другую, то лучше всего уйти отъ грѣха, такъ дѣлаютъ многіе честные люди. Въ міру жъ остаются горлопаны, міроѣды, опивохи, что за ведро водки готовы на все. Насмотрѣлась я, батюшка, вдоволь, на крестьянское бытье... Правда ли, я слышала, что есть такія земли, гдѣ нѣтъ вовсе крестьянъ?

— Есть, Марфа Ивановна. Даже существуетъ одно большое государство.

— Кто же тамъ орудуетъ?

— Тамъ есть хозяева, фермеры и батраки, т. е. работники. Но каждый хорошій и старательный работникъ можетъ въ свою очередь сдѣлаться фермеромъ, или хозяиномъ.

— Значитъ между ними никакого различія не существуетъ? А скажите по совѣсти, хорошо ли тамъ живется?

— Недурно. Государство, о которомъ я упомянулъ, считается однимъ изъ богатѣйшихъ.

— Господи! И не подумаешь, какія на свѣтѣ земли есть... Знаете ли, прибавила она послѣ небольшой паузы. Мы съ Жучкомъ собираемся въ Америку укатить. . Только домъ продадимъ!

— Въ Америку? воскликнулъ я съ изумленіемъ. Вотъ какъ Откуда же вы про Америку знаете Марфа Ивановна?

— О, мы съ Жучкомъ про Америку часто толкуемъ. У него тамъ сродный братъ живетъ. Онъ и его къ себѣ зоветъ. Ну, да что я съ вами тутъ попусту бобы развожу. Пойти лучше на кухню. Изъ-за вашихъ балентрясовъ тамъ почитай все перепрѣло у меня. До свидки!

— Вотъ и поди съ этой одворянившейся «хлопкой»! поду-

малъ я, провожая ее глазами. Люблю я этихъ бойкихъ сибирячекъ. Онѣ чрезвычайно переимчивы. Я часто встрѣчалъ въ семействахъ чиновныхъ людей и сибирскихъ плутократовъ типы этихъ женщинъ. Передъ собою видишь барыню, настоящую какъ есть барыню, въ шелку, бархатѣ, кружевахъ и брильянтахъ, а по справкѣ окажется, что это бывшая стряпка, горничная или нянька. Онѣ, не получивъ рѣшительно никакого образованія, пріобрѣтаютъ въ новомъ своемъ положеніи способность очень мило и даже забавно болтать съ вами о пустякахъ вседневной жизни и доводить эту способность до такого совершенства, что невольно заставляютъ прощать имъ всѣ ихъ недостатки. Можно ли отъ нихъ требовать чего-либо больше? Многіе изъ поляковъ, довольно интеллигентныхъ даже, поженились въ Сибири на этихъ «хлопкахъ». И что же? Черезъ годъ, два или три, «хлопки» эти отлично стали говорить по-польски и усвоили себѣ всѣ манеры полекъ, такъ что трудно ихъ различить. Но главное то, что поляки, женившіеся на сибирячкахъ, рѣдко жаловались на это. Вотъ что говорилъ мнѣ одинъ изъ интеллигентныхъ поляковъ (извѣстный своими письмами о Сибири), женившійся на простой крестьянской дѣвушкѣ, довольно красивой.

—«Никакой мечтательной страсти я къ моей суженой не чувствовалъ, и ничего необыкновеннаго въ ней не видалъ, какъ это, напротивъ, случается съ влюбленными. Я прельстился ея здоровьемъ, красотой, бойкостію, веселымъ нравомъ. Я полагалъ, что съ нею не будетъ мнѣ скучно въ этой угрюмой странѣ. Меня страшно тяготило мое одиночество. Она была не избалована роскошью, какъ наши, такъ называемыя «паненки»*), слѣдовательно она не могла бы требовать отъ меня лишняго и довольствовалась бы тѣмъ, что я въ состояніи былъ бы дать. Привыкши съ дѣтства видѣть грубое, чисто скотское обхожденіе своихъ односельчанъ съ женами и нашедши во мнѣ много вниманія, угодливости и теплой ласки, она душевно и беззавѣтно привязалась ко мнѣ. Съ своей стороны, я не могъ оставаться хладнокровнымъ въ виду ея привязанности, и моя привязанность къ ней начала

*) Барышни.

увеличиваться съ каждымъ почти днемъ. Такимъ образомъ между нами установилось то чувство, которое многіе ищутъ напрасно въ жизни,—чувство, составляющее роскошь существованія. Но это чувство особаго рода, не та безсознательная вспышка, которую обыкновенно считаютъ любовію, и которое быстро возникаетъ и исчезаетъ также быстро. Чувство, соединяющее насъ, отличается отъ этой вспышки тѣмъ, что оно постепенно усиливается, и мнѣ кажется, что мы никогда не опротивѣемъ и не надоѣдимъ другъ другу... Я предоставилъ женѣ управленіе хозяйствомъ, въ этомъ отношеніи она чрезвычайно практична. Но это не мѣшаетъ ей иногда вникать въ смыслъ моихъ умственныхъ работъ. Конечно, она больше понимаетъ чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ, но все-таки болѣе или менѣе понимаетъ, и для нея этого слишкомъ даже довольно. Наслаждался ли бы я такимъ покойнымъ, безоблачнымъ счастіемъ, если бы избралъ себѣ подругою жизни женщину съ высокимъ образованіемъ,—не знаю».

Альбертъ Петровичъ Жукъ, женившись на Марфѣ Ивановнѣ, значительное время провелъ изолированно отъ общества своихъ земляковъ. Поэтому Марфѣ Ивановнѣ не удалось выучиться говорить по-польски; она коверкаетъ и русскія слова на деревенскій манеръ. Ей, конечно, много кой-чего не достаетъ. Но всѣ ея недостатки выкупаются, по моему мнѣнію, рѣдкой чертой въ сибирячкахъ, до того рѣдкой, что мнѣ она впервые бросилась въ глаза только у одной Марфы Ивановны, это—отзывчивость къ чужому горю и страданію. Откуда, въ странѣ грубѣйшаго эгоизма и черствѣйшаго своекорыстія, могло проявиться такое альтруистическое чувство, откуда въ простой деревенской дѣвушкѣ могло зародиться выраженіе: «неужели чужое горе не можетъ насъ печалить такъ же, какъ и наше собственное»?.. Могла ли бы такъ думать и такъ говорить Марфа Ивановна, если бы вышла замужъ за сибиряка? Наврядъ...

—◆◆—◆◆

Сибирскіе шаманы.

О сибирскихъ шаманахъ въ нашемъ обществѣ, а также и въ литературѣ до сихъ поръ не сложилось ничего положительнаго и опредѣленнаго. Одни считаютъ ихъ шарлатанами и обманщиками, эксплоатирующими невѣжество и легковѣріе своихъ соплеменниковъ, другіе считаютъ ихъ сумасшедшими, третьи видятъ въ нихъ нѣчто загадочное и необъяснимое. Но никто серьезно не займется ими. Сибирякамъ, кажется, было бы болѣе доступно, чѣмъ кому либо другому, заняться этимъ небезъинтереснымъ предметомъ, но они крайне индеферентны. Явленій же, заслуживающихъ вниманія, не мало въ Сибири. Но стоитъ только какому-нибудь „умнику“ произнести слова: вздоръ! пустяки! и интересъ къ явленію разсѣевается и считается даже чѣмъ-то неприличнымъ. Для примѣра приведу такъ называемую сибиряками „анадырскую боль“. Боль эта или, правильнѣе, болѣзнь, впервые обнаружилась въ Анадырскѣ. Она долго господствовала въ сѣверо-восточной Азіи и неуступаетъ никакимъ обыкновеннымъ методамъ лѣченія. Подвергающіеся ей субъекты большею частію женщины. Больные этого рода утрачиваютъ сознаніе всего окружающаго ихъ, пріобрѣтаютъ внезапную способность говорить на языкахъ, никогда неслыханныхъ ими, особенно на якутскомъ [1], и получаютъ временный даръ ясновидѣнія, вслѣдствіе чего описываютъ съ точностію совершенно незнакомые имъ предметы. Въ такомъ положеніи они часто требуютъ какія-нибудь вещи, видъ и мѣстонахожденіе которыхъ объясняютъ съ точностію. Пока имъ не принесутъ этихъ вещей, они впадаютъ въ конвульсіи, поютъ пѣсни на какомъ-то языкѣ, испускаютъ дикіе крики и вообще приходятъ въ положительное безуміе. Доставленіе имъ этихъ вещей немедленно излѣчиваетъ ихъ отъ этого недуга.

[1]) Якутскій языкъ жителямъ Анадырска неизвѣстенъ.

Простой народъ увѣренъ, что болѣзнь, потѣшившись надъ человѣкомъ, сама избираетъ себѣ какую-либо вещь, на которую и переселяется. Начальникъ гижигинскихъ казаковъ, Подеринъ, человѣкъ довольно положительный и заслуживающій довѣрія, разсказывалъ Джорджу Кеннану (см. сочиненіе послѣдняго: „Кочевая жизнь въ Сибири“), что его дочь, будучи одержима „анадырской болью“, потребовала собаку въ особенныхъ пятнахъ, которую онъ обыкновенно запрягалъ въ свои сани. Когда собаку привели въ ея комнату, дочь его тотчасъ же успокоилась и затѣмъ выздоровѣла. Но съ этого времени собака сама сдѣлалась такъ безпокойна и дика, что ею почти невозможно стало управлять и онъ долженъ былъ наконецъ убить ее.

Сибирскіе „умники“ объясняли „анадырскую боль“ умышленнымъ обманомъ, пущеннымъ въ ходъ, преимущественно женщинами, съ цѣлію вліять на своихъ родственниковъ для какихъ-либо личныхъ выгодъ. Примѣромъ этого они выставляли жену одного купца, которая, прикинувшись *будто* одержимой „анадырской болью“, потребовала отъ мужа шелковое платье и бѣднякъ долженъ былъ за нимъ съѣздить зимою изъ Гижиги въ Янскъ за 300 верстъ, такъ какъ таковаго нельзя было достать въ Гижигѣ. Но они упускаютъ изъ виду: а) что не всѣ больные требуютъ какихъ либо цѣнныхъ вещей, а большею частію довольствуются самыми ничтожными; б) что упомянутая купчиха, получивши шелковое платье ниразу его на себя не надѣвала, а изрѣзала его въ куски и сожгла, и в) что неудовлетвореніе желанія больного ведетъ за собою смерть.

Сибирь представляетъ обширное и непочатое поле не для однихъ археологическихъ, минералогическихъ, ботаническихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Въ ней и психофизіологическое общество могло бы найти для себя не мало богатаго матеріала.

Шаманизмъ до появленія буддизма, ислама и христіанства, былъ общимъ вѣрованіемъ всѣхъ народовъ Сѣверной и Восточной Азіи. Онъ также распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

Шаманизмъ не имѣетъ ничего общаго съ различными вѣрованіями человѣчества, такъ какъ въ основаніи его не лежитъ ни-

какого опредѣленнаго метафизически-религіознаго элемента. Догматы или регилiозныя идеи одного племени шамановъ рѣзко отличаются отъ догматовъ и идей другихъ. Поэтому не въ религіозныхъ догматахъ заключается суть шаманизма, а въ шаманѣ. Вдохновеніе шамана составляетъ все. Въ лицѣ своего шамана дикари видятъ представителя явно сознаваемой, хотя и непонятной для нихъ силы или воли, которую они не знаютъ какъ назвать, а другіе, посмышленнѣе, называютъ великимъ всевѣдущимъ духомъ. Для этихъ простыхъ дѣтей природы шаманъ служитъ единственной, священной книгой, живой библіей, изъ которой они могутъ почерпать все необходимое въ различныхъ случайностяхъ своей незатѣйливой жизни.

Отъ шамана требуется:

а) Указаніе мѣста болѣе удобнаго для перекочевки.

б) Свѣдѣнія о томъ, что происходитъ съ отсутствующими родственниками или товарищами.

в) Предсказаніе объ исходѣ задуманнаго предпріятія.

г) Указаніе вора или мѣста, гдѣ спрятано похищенное, и

д) Исцѣленія отъ болѣзни.

И шаманъ всѣ эти требованія обязанъ вполнѣ удовлятворять, иначе шаманство давно бы исчезло съ лица земли.

Изъ этого видно, что шаманъ не есть жрецъ какого-либо особаго религіознаго культа, а просто предсказатель, гадатель, провидецъ и въ то же время врачъ. Сами шаманисты считаютъ свою вѣру современной первому появленію человѣка на землѣ.

— „У первыхъ людей (слѣдуетъ подразумѣвать Адама и Евву), повѣствуетъ одна шаманская легенда, было шесть сыновей и семь дочерей. Каждый изъ сыновей взялъ себѣ за жену сестру. Одной же, самой меньшей, мужа не досталось. Одинъ изъ братіи хотѣлъ было взять ее себѣ второй женой, но жена его на это не согласилась изъ ревности Бѣдная дѣвушка начала скучать, скучала, а затѣмъ стала неистовствовать, упала на землю, забилась руками и ногами, и закричала на разные голоса. Родные ея сначала испугались и не знали, что такое съ нею приключилось. Наконецъ убѣдились, что въ нее вселился нѣкій духъ, который все видитъ, все слышитъ и все знаетъ, что на свѣтѣ происхо-

дитъ. Она предсказала, что завистливая и ревнивая ея сестра будетъ вскорѣ растерзана хищными звѣрями. Пророчество это сбылось и овдовѣвшій братъ взялъ ее себѣ за жену. Отъ этого брака и произошли на свѣтъ шаманы".

Есть два рода шамановъ: истинные и ложные. Истинный шаманъ долженъ имѣть особое врожденное предрасположеніе къ своему призванію. Предрасположеніе это у бурятъ называется „*утха урбулъ*". Признаками его считаются: крайняя впечатлительность, робость, пугливость, частые обмороки, одичаніе, конвульсіи, падучка, (послѣдняя составляетъ conditio sine qua non шаманскаго призванія), изступленіе и вообще характеръ мрачный и нелюдимый. Лица, которымъ удавалость испытывать истинныхъ шамановъ во время ихъ „бѣства" (такъ сибиряки называютъ шаманское экстатическое состояніе), замѣчали въ нихъ слѣдующія особенности: забытіе при пробужденіи всего происходившаго, внѣшнюю нечувствительность къ уколамъ, щипкамъ [2]) и, наконецъ, неохотливость, съ которою шаманы берутся за предсказанія, не смотря иногда на щедрые подарки. Даръ прорицанія не дается имъ легко. Оно всегда сопровождается неистовствомъ, конвульсіями, пѣной у рта и, наконецъ, крайнимъ изнеможеніемъ. Такія мученія нельзя назвать притворствомъ и шарлатанствомъ, какъ ихъ многіе привыкли называть.

Ложные шаманы суть просто фокусники. Они не пользуются никакимъ довѣріемъ у своихъ родичей и на него не претендуютъ. Они довольно часто появляются въ русскихъ селеніяхъ съ корыстолюбивою цѣлію и выдѣлываютъ различные фокусы, выказывая большую ловкость и находчивость. Такъ, напримѣръ, они отрѣзываютъ себѣ голову, руку или ноги и потомъ ихъ приставляютъ, вонзаютъ безвредно кинжалы въ грудь или бока, хватаютъ руками раскаленное желѣзо, скачутъ въ огнѣ босыми ногами, опускаютъ руки въ кипятокъ и т. п. Они хорошіе коновалы и ветеринары, лѣчатъ удачно скотъ, а иногда и людей. Этихъ-то фокусниковъ туристы и принимаютъ за шамановъ. Истинный шаманъ никакими фокусами не займется; ему не до нихъ. Да и сами ино-

---

[2]) Указаніе на гипнотическое состояніе.

родцы никогда не укажутъ вамъ настоящаго шамана, а только фокусника. Только случай можетъ свести кого-либо съ настоящимъ шаманомъ. Крестьяне, казаки и сибирскіе мѣщане, хотя и подозрѣваютъ шамановъ въ кумовствѣ съ нечистой силой, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ надобности, обращаются къ нимъ. Отъ нихъ узнаютъ они объ урожайныхъ или неурожайныхъ годахъ, о предстоящемъ обиліи или скудости урожая кедровыхъ орѣховъ (промыселъ довольно значительный въ Сибири), о наводненіяхъ, засухѣ и другихъ явленіяхъ. Особенно удается шаманамъ указывать воровъ или мѣста, куда запрятано украденное.

Кастренъ, въ сочиненіи своемъ „Путешествіе на Сѣверъ" 1853 года, пишетъ, что шаманы Аккальскихъ лапландцевъ „очень уважаются за свои знанія въ волшебствѣ. Они впадаютъ въ магнетическій сонъ, а души ихъ въ то время странствуютъ. Они предсказываютъ будущее и видятъ, что дѣлается на далекомъ пространствѣ. Наши магнитизеры и ясновидящіе могли бы поучиться у этихъ лапландцевъ".

То же самое могъ бы Кастренъ сказать и о сибирскихъ шаманахъ, если бы ему довелось видѣть настоящихъ шамановъ. Къ несчастію онъ видѣлъ только фокусниковъ.

Гартвигъ въ сочиненіи своемъ „Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ" разсказываетъ о слѣдующемъ экспериментѣ сибирскаго шамана: Шаманъ сѣлъ въ уединенной комнатѣ на оленью шкуру, разостланную среди пола, затѣмъ приказалъ связать себѣ руки и ноги. Двери и оконные ставни были наглухо заперты и шаманъ началъ вызывать духовъ. Въ темной комнатѣ совершалось что-то непонятное. По сухой кожѣ что-то барабанило въ тактъ, медвѣди ревѣли, змѣи шипѣли, вокругъ комнаты бѣгали и пищали бѣлки. Наконецъ шумъ внезапно прекратился и шаманъ къ немалому изумленію присутствующихъ, вошелъ въ домъ черезъ наружную дверь, а не изъ двери той же комнаты, въ которой былъ запертъ. Выходитъ, что шаманы обладаютъ и медіумическими свойствами. Не лишне было бы русскому обществу экспериментальной психологіи, недавно образовавшемуся въ С.-Петербургѣ, учредить отдѣленіе въ Сибири и заняться изслѣдованіями

надъ шаманами и другими психическими явленіями. Проживая много лѣтъ въ Сибири, я имѣлъ частые случаи столкновенія съ настоящими шаманами. Сводъ моихъ наблюденій я изложилъ въ большомъ очеркѣ, недавно посланномъ мною въ одинъ изъ столичныхъ журналовъ. Здѣсь же я опишу одинъ случай изъ числа многихъ, которымъ ясно опредѣлилась способность, приписываемая вообще настоящимъ шаманомъ.

Лѣтомъ 1875 года, проѣздомъ черезъ тайгу на одинъ изъ золотыхъ пріисковъ, которымъ я, по довѣренности владѣльца, временно завѣдывалъ, пришлось мнѣ заночевать на берегу рѣчки. На этой же рѣчкѣ, неподалеку отъ мѣста, избраннаго мною для ночлега, находилось временное стойбище небольшаго рода[3]) тунгусовъ. Тунгусы народецъ очень добрый. Православные сибиряки называютъ ихъ, какъ и всѣхъ вообще инородцевъ „*тварью*“. Но отецъ сибирской исторіи Миллеръ считаетъ эту „тварь“ честнѣе и нравственнѣе грубыхъ сибиряковъ. По описанію его тунгусы веселы, беззаботны, легкомысленны, легковѣрны, ласковы, добродушны, правдивы и берегущіе чужое добро пуще своего собственнаго. Золотопромышленники прозвали ихъ таежными французами. Цвѣтъ ихъ кожи розово-красный, грудь ихъ широкая, физіономія открытая. Въ сравненіи съ другими инородцами они отличаются замѣчательной соразмѣрностью всѣхъ частей своего тѣла. Бороды у нихъ нѣтъ. Со мною слѣдовалъ небольшой транспортъ припасовъ и матеріаловъ для пріиска, на 10 вьючныхъ лошадяхъ, сопровождаемый четырьмя конюхами. Когда послѣдние развьючили лошадей, разложили костеръ и занялись приготовленіемъ чая и ужина, нѣкоторые тунгусы подошли къ нимъ съ цѣлію разжиться табакомъ, до котораго они страстные охотники. Одинъ изъ нихъ говорилъ удовлетворительно по-русски. Я спросилъ его, нельзя-ли у нихъ достать свѣжей рыбы? Но тунгусь

---

[3]) Большинство сибирскихъ инородцевъ раздѣляются на роды, управляемые особымъ лицомъ, наслѣдственнымъ или избираемымъ. Каждый родъ состоитъ изъ лицъ, незнающихъ въ большинствѣ случаевъ родства между собою. Это устройство напоминаетъ отчасти кланы шотландскихъ горцевъ.

объяснилъ мнѣ, что лѣшій (духъ), владѣющій этой рѣчкой, скверный и безпутный, всю рыбу проигралъ въ карты другому лѣшему, въ другой рѣчкѣ, въ которую эта впадаетъ, что вслѣдствіе этого они должны перенести свое стойбище на другое болѣе благопріятное мѣсто, и что завтра утромъ ихъ шаманъ будетъ шаманить на счетъ избранія такого мѣста. Впрочемъ, добавилъ онъ, рыба опять начала понемногу появляться въ рѣчкѣ. Вѣроятно, лѣшій сталъ отыгрываться. Можетъ быть и отыграется. Обо всемъ этомъ завтра долженъ узнать шаманъ.

Я спросилъ его: можно-ли мнѣ будетъ завтра посмотрѣть какъ ихъ шаманъ станетъ шаманить.

— Пошто не можно, можно! отвѣчалъ тунгусъ.

— Такъ ты приходи за мной завтра утромъ, и я пойду вмѣстѣ съ тобою, сказалъ я, подавая ему папушу табаку.

— Ладно! Ладно! воскликнулъ обрадованный тунгусъ.

На другой день утромъ вмѣсто того, чтобы продолжать путь, я, подстрекаемый любопытствомъ, отправился къ тунгусамъ въ сопровожденіи того, который обѣщался придти за мною. Со мною отправились также и два конюха, пожелавшіе посмотрѣть на шаманское *„дѣйство“*.

-- Вотъ нашъ шаманъ! обратился ко мнѣ мой чичероне, когда мы подошли къ стойбищу, и указалъ рукою на уединенную берестяную юрту, передъ которой, на небольшомъ коврикѣ, сшитомъ изъ квадратныхъ кусковъ бѣлой и черной кожи, сидѣлъ шаманъ, закрывши лицо обѣими ладонями, и облокотясь локтями на приподнятыя колѣни. Онъ былъ одѣтъ въ простую и довольно поношенную парку—родъ пальто, въ лосинные штаны и кожаные унты. Около него на коврѣ лежалъ небольшой бубенъ съ множествомъ навѣшенныхъ на немъ побрякушекъ и небольшая костяная палочка съ головкою на концѣ. Тунгусы начали собираться и окружили шамана со всѣхъ сторонъ — старики и мужчины впереди, а женщины и дѣти сзади ихъ. Разговоры происходили вполголоса. Около меня набралась куча полунагихъ ребятишекъ обоего пола, заглядывавшихъ съ любопытствомъ мнѣ въ глаза. Другіе, посмѣлѣе, принимались ощупывать мою одежду,

несмотря на грозные возгласы моего чичероне: *Акычъ! Акычъ!* (Нельзя)! Дѣти эти были истинными красавчиками. Такихъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Наконецъ шаманъ отнялъ ладони свои отъ лица и началъ тупо осматриваться кругомъ. Я увидѣлъ въ немъ старика, изнуреннаго и тщедушнаго. Тунгусы вообще не отличаются полнотою тѣла. Черты его лица были довольно правильны и лицо это можно было бы назвать весьма симпатичнымъ, еслибы большіе черные глаза не поражали какимъ то рѣжущимъ и отталкивающимъ свѣтомъ.

Взявъ въ лѣвую руку бубенъ, а въ правую палочку съ головкой, шаманъ тихо затянулъ какую-то унылую и монотонную пѣсню, позвякивая ударомъ палочки въ бубенъ. Нѣкоторыя слова произносились нѣсколько громче, и я могъ разслышать изъ нихъ: „*Гасти рnду хинъ дукъ буль*"! (Просящему у тебя не отказывай!) „*Хевки-тканъ ничичинъ быкичавинъ*"! (Господину все возможно). Вѣроятно это было моленіе о ниспосланіи ему вдохновенія. Онъ пѣлъ покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону. Мало-по-малу неподвижныя черты лица его начали оживлятся и иногда искривлягься, словно отъ какой то внутренней боли. Въ голосѣ его тоже стали проявляться порою странные звуки, не то болѣзненные стоны, не то истерическій хохотъ. Вдругъ онъ опрокинулся навзничь. Бубенъ звякнулъ и отлетѣлъ въ сторону вмѣстѣ съ колотушкой. Шаманъ забился въ припадкѣ падучки. Къ нему подбѣжало нѣсколько тунгусовъ и начали его придерживать. Нужно сказать, что я помѣстился какъ разъ напротивъ шамана и, съ помощью лорнета, слѣдилъ за всякимъ его движеніемъ.

— Зачѣмъ его придерживаютъ? спросилъ я своего чичероне.

— Нельзя не держать хунгэ (господинъ)! Онъ можетъ совсѣмъ зашибиться, отвѣчалъ онъ.

Шаманъ былъ въ сильномъ припадкѣ. У него на губахъ показалась пѣна. Тунгусы продолжали его придерживать. Наконецъ, онъ началъ понемногу успокаиваться. Затѣмъ уснулъ. Спалъ онъ ровно четверть часа. Вдругъ онъ вскочилъ и какъ будто намѣревался бѣжать куда-то, но потомъ присѣлъ. Глаза его были устремлены въ другую сторону, на одну точку, словно при видѣ чего то

ужаснаго. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Мало-по-малу лицо его приняло обыкновенное страдальческое выраженіе, хотя онъ все еще дикимъ взглядомъ осматривался по сторонамъ. Спустя минуты двѣ онъ приподнялся, судорожно схватилъ свой бубенъ и колотушку, что-то пробормоталъ и началъ изрѣдка ударять въ бубенъ колотушкой. Тогда къ нему подошло нѣсколько старыхъ тунгусовъ и между ими и шаманомъ началась бесѣда отрывками. Послѣ каждаго отвѣта на задаваемые ему вопросы онъ ударилъ въ бубенъ разъ или два, а иногда и три. Всѣ прочие тунгусы отодвинулись, но внимательно прислушивались къ каждому слову, произнесенному шаманомъ.

— Что онъ говоритъ? спросилъ я своего чичероне.

— Говоритъ—надо уходить отсюда въ другое мѣсто.

— Далеко?

— Далеко. Я знаю это мѣсто. Я часто бывалъ тамъ. Мѣсто шибко хорошее... Я такъ и полагалъ, что онъ укажетъ это мѣсто.

— А самъ шаманъ знаетъ это мѣсто? Бывалъ тамъ?

— Нѣтъ. Шаманъ нашъ никуда не ходитъ. Онъ не промышляетъ... Вишь какой онъ у насъ „*нюнча*“ (разслабленный), но за то большой „*инрылканъ*“ (разумникъ).

— Если ты зналъ хорошее мѣсто, такъ почему же ты не сказалъ о немъ своимъ родовичамъ?

— Нельзя. Мнѣ не повѣрили бы, хотя многіе наши тоже знають это мѣсто... Указать долженъ шаманъ. Ему только и вѣрять. Да и нельзя иначе, хунгэ. На то шаманъ у насъ.

— А вашъ шаманъ говоритъ по-русски?

— Мало-мало говоритъ, какъ и я.

Гаданіе кончилось. Шумный говоръ огласилъ воздухъ.

Ребятишки кричали изо всѣхъ силъ, подпрыгивая: „Нулгынъ! Нулгыдянъ! (Перекочевка! Переселеніе)! Женщины вмѣстѣ съ ними бросились къ своимъ берестянымъ юртамъ. Старики тунгусы все еще окружали шамана. Я съ своимъ чичероне тоже подошелъ къ нему. Тутъ я замѣтилъ, что черты лица его въ сильно напряженномъ состояніи, но глаза полузакрыты, какъ въ полуснѣ. Я объяснилъ по-русски шаману, что мнѣ хочется пред-

ложить ему нѣкоторые вопросы. Согласенъ ли онъ будетъ на это?

Шаманъ отказался. Но мой чичероне началъ его убѣдительно упрашивать исполнить мое желаніе. Я подалъ ему нѣсколько мелкаго серебра для передачи шаману. Тотъ принялъ ихъ, но неохотно.

— Намъ чиновники запрещаютъ шаманить для русскихъ, отговаривался шаманъ. Но, говорятъ, вы добрый хунгэ и бѣды мнѣ не сдѣлаете. Чего вамъ надо отъ меня? Говорите!

— Благополучно ли мы доѣдемъ до пріиска? спросилъ я.

Шаманъ открылъ глаза, но черезъ нѣсколько секундъ отврылъ ихъ. Зрачки его были сильно расширены.

— Будетъ бѣда, большая бѣда, произнесъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ и покачивая головою.

— Съ кѣмъ же случится бѣда?

— Не съ людьми, а съ лошадью сѣрой масти.

Затѣмъ я задалъ вопросы: гдѣ я живу, въ большомъ или маломъ домѣ, далеко ли отъ церкви, какіе въ домѣ замѣчательные предметы, какая у меня жена и какія дѣти, сколько ихъ и какой ихъ возрастъ? Шаманъ отвѣчалъ, что живу я въ большомъ городѣ, домъ мой тоже большой, онъ третій отъ церкви. Затѣмъ онъ описалъ расположеніе комнатъ, указалъ даже особенности мебели, такъ наприм., въ одной самой большой комнатѣ стоитъ длинный ящикъ со струнами (піанино), тамъ же находятся два огромныя зеркала и одно изъ нихъ съ трещиной по серединѣ, въ другой комнатѣ, поменьше, на стѣнѣ виситъ образъ въ золотой рамѣ, а изображеніе на этомъ образѣ очень похоже на меня (мой портретъ). Онъ описалъ отлично наружность моей жены и дѣтей, а также и возрастъ послѣднихъ. Описывая наружность старшаго моего сына (11 лѣтъ), онъ прибавилъ, что на лѣвой сторонѣ шеи у него красное пятно. Когда же я ему замѣтилъ, что у моего сына такого пятна на шеѣ нѣтъ, онъ сказалъ нѣсколько замявшись, что это пятно „*дяинъ*“ (невидимое, роковое). Онъ хотѣлъ что-то объяснить еще больше, но вдругъ вздрогнулъ, какъ будто отъ укола.

— Даримачкилъ! даримачкилъ! (посторонитесь! уходите!)

закричали мнѣ тургусы, стоящіе около шамана. Я попятился. Съ шаманомъ сдѣлались опять надучка и конвульсіи. Дѣлать больше было нечего и я отправился къ своему каравану.

— Ловко же его черти ломали, сказалъ одинъ конюхъ другому.

— Ни за какія коврижки не захотѣлъ бы я быть шаманомъ, отозвался другой.

Минутъ черезъ десять послѣ этого, мы уже двигались гуськомъ по торной тропинкѣ, заставлявшей насъ пробираться через пни и колоды, надъ пропастями, въ которыя даже и заглянуть страшно, переѣзжать черезъ ручьи и шумныя горныя рѣчки, болота и топи, черезъ всѣ эти своеобразныя прелести дикой сибирской тайги.

Предсказаніе шамана сбылось. Дня черезъ два, одна изъ вьючныхъ лошадей сѣрой масти, оступилась на краю страшнаго обрыва, полетѣла съ вьюками въ пропасть и убилась. Много намъ хлопотъ стоило выручить вьюки. Видѣнное шаманомъ красное пятно на лѣвой сторонѣ шеи старшаго моего сына осуществилось самымъ роковымъ образомъ ровно черезъ 10 лѣтъ, именно 23 іюля 1885 г. Сынъ мой на охотѣ, по неосторожности, застрѣлился. Весь зарядъ дроби попалъ ему въ лѣвую сторону шеи, оставивъ по себѣ небольшое кровавое пятно.

Указаніе шаманомъ мѣста для перекочевки своимъ родовичамъ, описаніе точное дома, въ которомъ онъ никогда не бывалъ, лицъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, и наконецъ предсказаніе инцидента съ лошадью, относящееся къ будущему, а равно и судьбы, постигшей черезъ десять лѣтъ моего сына — все это заставило меня не мало призадумываться. Но какъ и чѣмъ можно было это объяснить? Я вполнѣ былъ увѣренъ, что все въ мірѣ происходящее должно имѣть какое либо объясненіе; необъяснимаго я ничего не допускаю. Гдѣ же ключь къ этому объясненію? Вотъ въ чемъ вопросъ. Между тѣмъ въ жизни моей встрѣчалось много явленій, которыхъ никоимъ образомъ невозможно было объяснить, не выходя изъ сферы положительныхъ наукъ. До 1875 и вплоть до 1885 года всѣ представители положительныхъ наукъ

съ ожесточеніемъ отрицали все то, что не вмѣщалось въ узкія рамки ихъ чисто матеріалистическихъ теорій. Слѣдовательно, заниматься задачами, неимѣвшими права на имя научныхъ, было крайне рискованнымъ. Но съ тѣхъ поръ многие взгляды на вещи измѣнились. Нынѣ самые завзятые матеріалисты занялись изслѣдованіемъ этихъ ненаучныхъ задачъ, самообмановъ, галлюцинаціи разстроеннаго воображенія, обмановъ и фокусовъ, какъ они ихъ называли, и къ величайшему изумленію своему увидѣли, что отъ рѣшенія этихъ фокусовъ зависитъ рѣшеніе и тѣхъ міровыхъ задачъ, надъ которыми положительная наука трудилась цѣлые вѣка.

Оказалось, что человѣкъ обладаетъ способностію передавать свои мысли въ мозгъ другого лица, не смотря на дальность разстоянія, способностью восприятія дѣйствительныхъ объективныхъ явленіи безъ посредства органовъ чувствъ, и что у человѣка, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ проявиться также чисто трансцедентная, сверхчувственная способность познаванія, отличная отъ той, которая существуетъ у людей въ нормальномъ ихъ состояніи. Первая изъ этихъ способностей извѣстна подъ именемъ мысленнаго внушенія и вообще телепатіи, послѣдняя подъ именемъ ясновидѣнія въ состояніи сомнамбулизма. Для проявленія дара ясновидѣнія обыкновенно погружаютъ человѣка въ гипнозъ, или, какъ выражались прежде, въ магнетическій сонъ. Но есть такія невропатическія натуры, которыя сами собою, безъ внѣшней помощи, погружаются въ этотъ сонъ. Теперь вся область чудеснаго, мистическаго, сверхъестественнаго освѣщается для меня совершенно новымъ свѣтомъ.

Шаманъ есть субъектъ безусловно невропатическій, подверженный эпилептическимъ, каталептическимъ и другимъ припадкамъ въ этомъ родѣ, но способный впадать въ состояніе ясновидѣнія безъ всякой внѣшней помощи. Явленія, поразившія меня въ 1875 году, при опытѣ моемъ съ тунгусскимъ шаманомъ, я могу теперь объяснить себѣ весьма просто. Начну съ указанія шаманомъ мѣстности, болѣе благопріятной для кочевья его родовичей.

Ожидая отъ своего шамана указанія новаго мѣста для кочевья, каждый тунгусъ мысленно представляетъ себѣ различныя мѣста, въ которыхъ ему приходилось самому быть, или о которыхъ онъ, быть можетъ, слышалъ отъ другихъ. Въ числѣ представленій объ этихъ мѣстахъ бываетъ, конечно, и представленіе о томъ, которое, по соображеніямъ тунгуса, было бы болѣе подходящимъ; но этого тунгусъ не высказываетъ, потому что онъ надѣется на шамана и только въ умѣ его постоянно бродитъ вопросъ: укажетъ ли это мѣсто шаманъ или нѣтъ? Объ этомъ мѣстѣ можетъ думать также другой, третій, четвертый, такъ какъ тунгусы мастера отличать свойства мѣстностей, проводя всю жизнь въ передвиженіяхъ изъ одной тайги въ другую. Вслѣдствіе такихъ совпадающихъ представленій, образъ мѣстности, болѣе благопріятной для переселенія, отпечатлѣваясь въ мозгу нѣкоторыхъ членовъ сборища сильнѣе, чѣмъ образъ другихъ мѣстъ, передается мозгу шамана, обладающаго чрезвычайной воспріимчивостью къ подобнаго рода мысленному внушенію и шаманъ указываетъ на то, что болѣе или менѣе извѣстно самимъ вопрошающимъ, и что они, навѣрно, сами избрали бы, если бы не надѣялись на шамана и обсудили сообща, съ толкомъ.

Такимъ же образомъ я объясняю себѣ и удачные отвѣты шамана на заданные ему мною вопросы. Задавая эти вопросы, я, естественно, сосредоточивалъ свои мысли и на моемъ домѣ, и на церкви, и на расположеніи комнатъ, и на мебели, и на женѣ, и дѣтяхъ, и возникшіе въ моемъ сознаніи образы, путемъ мысленнаго внушенія, или отраженія, передались мозгу шамана. Что же касается инцидента съ лошадью, о которой я вовсе не думалъ, а также о роковомъ пятнѣ на шеѣ покойнаго моего сына, то я никоимъ образомъ не могу отнести это къ случайному совпаденію галлюцинацій шамана съ дѣйствительнымъ событіемъ, а считаю это настоящимъ предвидѣніемъ, которымъ обладалъ шаманъ, подобно многимъ индивидуумамъ древнихъ временъ. Въ наукѣ нѣтъ аксіомы болѣе прочной и обязательной для ученаго, какъ неизмѣнность законовъ природы и положеніе: *что случая въ мірѣ не существуетъ*, что всякій фактъ вызванъ неизбѣжно другимъ

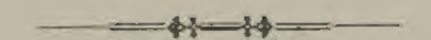
фактомъ, ему предшествовавшимъ, и столь же неизбѣжно вызываетъ свои послѣдствія, т. е. новые факты. Если это такъ, то, само сабою разумѣется, должна существовать и возможность угадывать будущее, потому что оно неразрывно связано съ настоящимъ и прошедшимъ. Если субъектъ, погруженный въ гипнозъ, можетъ ясно видѣть то, что совершается въ отдаленіи въ настоящее время, и если такой же субъектъ по обломку статуи можетъ представить въ своемъ духовномъ видѣніи все, что происходило въ давнопрошедшія времена съ этой статуей, то почему же невозможно подобному же субъекту предсказать и то, что должно случиться въ будущемъ? Если въ мірѣ все совершается по напередъ опредѣленнымъ законамъ, все идетъ по строгой необходимости, то должна существовать неразрывная связь между существовавшимъ, существующимъ и тѣмъ, что имѣетъ явиться; слѣдовательно, какъ отголоски существовавшихъ, такъ и отголоски имѣющихъ народиться явленій раздаются одновременно, и какое-либо особенно чуткое ухо можетъ ихъ разслышать. „Всезнаніе абсолютнаго духа, говоритъ Гартманъ [1]), охватываетъ въ настоящемъ мірозданія какъ будущее, такъ и прошедшее, а потому индивидуумъ, благодаря напряженному интересу воли, можетъ безсознательно черпать изъ безсознательнаго знанія абсолютнаго духа частности будущихъ происшествій, точно такъ же, какъ и частности того, что происходитъ въ мірозданіи, хотя бы то и въ отдаленныхъ мѣстахъ“. Мысль эту выразилъ Эмерсонъ въ болѣе опредѣленной формѣ. „Всякая сила, говоритъ онъ, есть какая-нибудь часть природы. Умъ, состоящій въ согласіи съ законами природы, находится, такъ сказать, въ потокѣ событій и силенъ ихъ силой. А такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и событія, то если онъ находится въ симпатіи съ ходомъ дѣлъ, можетъ легко предсказывать ихъ“. Болѣзненное состояніе, характеризующее вообще шамановъ, лишая ихъ въ припадкѣ экстаза индивидуальныхъ силъ, дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе доступными воздѣйствію на нихъ *„общихъ силъ природы“*,

---

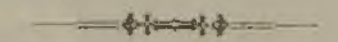
[1]) „Спиритизмъ“ Эдуарда Гартмана.

управляющихъ событіями, вслѣдствіе чего послѣднія дѣлаются доступными ихъ сознанію и, подобно внушеннымъ чужимъ мыслямъ, внѣдряются въ ихъ мозгъ.

Иначе нельзя себѣ объяснить шаманское предвидѣніе относительно разсказаннаго мною случая, а также и всякое другое предвидѣніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опечатка:

На страницѣ 42 послѣ словъ „чуть реберъ мужу не переломала“ пропущено: „Тутъ-то и вышла катафазія съ дядюшкой, о которой я вамъ лучше ужъ послѣ разскажу“.